

A painting in a soft, painterly style. It depicts a woman with reddish-brown hair and blue eyes, looking slightly to the left. A ginger tabby cat with blue eyes is nestled against her, looking towards the viewer. The background is a mix of warm and cool tones, suggesting an indoor setting with light filtering through. The overall mood is intimate and tender.

Олег Фокин
Куда
приводят
коты

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Фомин

Куда приводят коты

«Автор»

2025

Фомин О. Г.

Куда приводят коты / О. Г. Фомин — «Автор», 2025

Один неудачный день, и вся его жизнь – коту под хвост. Уволили с работы, отчислили из института, бросила девушка. А вечером стал свидетелем того, как трое представителей "золотой молодежи" издеваются над кошкой. Он не смог пройти мимо. Словно увидел в несчастном животном себя, над которым сегодня трижды поиздевалась жизнь. Но он и подумать не мог, что спасение кошки приведет в тайный мир, полный чудес и приключений...

© Фомин О. Г., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Бочка с нефтью	6
Все как есть	10
Не ищи меня	15
С лап не сойдет	19
Долгая история	24
Перемир	28
Даймен	34
Жизнь без забот	40
Никому нельзя доверять	45
Стиратель	54
Обычный кот	60
Зря ты связался с ней	68
Анфилада	75
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Олег Фомин
Куда приводят коты

Автор благодарит Кристину Прилепину за чудесную песню.

Бочка с нефтью

Многих отчисляли из универа. Не меньше и тех, кого увольняли, не заплатив. А уж кого бросали вторые половинки, вообще не счесть. Но редко кто может похвастаться комбинацией всего вышеперечисленного, сыгравшей в один день.

А я могу.

Бинго!

Нет, я не пытаюсь найти оправдание тому, что сделал. Может, сделал бы то же самое, случись в этот день стипендия, премия и романтическое свидание с бурным финалом.

Но вышло ровно наоборот. Утром меня выперли из учебного заведения за пропуски, во время которых я зарабатывал на учебу и подарки для Жанны. Днем начальство деликатно послало на три буквы за прогулы, которыми я пытался спасти учебу и личную жизнь. А вечером Жанна сказала, что ей не нужен безработный неуч.

И на каждое из этих событий я лишь кивал, пожимал плечами, мол, ну ладно.

Однако спокойствие было внешнее. Внутри невидимая бочка наполнялась нефтью, которая могла рвануть от малейшей искры...

И рванула.

Ближе к ночи траурная прогулка привела под мост, и я заметил, как трое уродов мучили кошку. Один держал за хвост, раскачивал, как маятник, над пламенем зажигалки, которую держал второй, сидя на корточках, а третий снимал на телефон. Все трое ржали, а бедное животное истошно выло, брыкалось.

Не знаю, что на меня нашло.

Так-то мухи не обижу. Сдачи дать способен, но только если уж совсем припереть к стенке, а вообще от конфликтов стараюсь уходить, в чужие разборки не ввязываюсь.

Но вой кошки...

Я зарычал, накрыло горячей пеленой. Не помню, откуда в руке оказался кирпич.

Когда вернулась способность мыслить, я обнаружил себя сидящим на распластанном теле. В кулаке осталась лишь половина кирпича. Другая половина торчала у живодера изо рта. Во вменяемом состоянии трудно смотреть на то, во что я превратил его череп. Опознать смогут лишь по татуировкам, перстням, часам, цепочке...

Кажется, я замесил в фарш какого-то мажора. Папиного сына.

Эту мысль подтвердил стоящий неподалеку бордовый спорткар, водительская дверь нараспашку, колонки долбят из пустого салона матерным рэпом. Я запустил куском кирпича в открытую дверцу и – о чудо! – куда-то попал. Во всяком случае, хрустнуло, и речитатив стух до невнятного мычания.

Прихожу в себя под шелест осенней листвы на асфальте... Пыхтят, как кузнечные мехи, легкие... Тарахтит вдалеке мотоцикл, на котором смылись дружки мажора...

– Мяу!

Мне словно отвесили пощечину. Я тут же взял себя в руки.

Оказалось, кошка не сбежала. Вернее, пыталась, но не смогла. За ней по парковке тянется цепочка темных пятнышек, животное лежит поодаль.

Я подбежал, колени коснулись асфальта.

Белая, с рыжей спиной...

На бедре скривила губы резаная рана. Шерсть вокруг потемнела, похожа на колючки.

Я быстро понял, чем сделан порез. Среди вещей, которые бросили выродки, кроме зажигалки и телефона, есть нож. Выпал, скорее всего, из ладони покойника, когда я сбил с ног. А ведь нож мог торчать сейчас из меня. Спас фактор внезапности, а еще убойный допинг ярости.

– Потерпи, хорошая. Сейчас...

Я погуглил адрес ближайшей ветеринарной клиники. Вызвать бы такси, но не хочется ждать, а потом еще объясняться с водителем. Я осторожно взял кошку на руки, вознамерился было добежать на своих двоих, тут недалеко...

Но взгляд задержался на брошенном спорткаре.

Прав у меня нет, но водить худо-бедно умею, научили приятели.

Я пнул с пассажирского сиденья кальян, тот грохнулся об асфальт, руки бережно опустили на глянцевою обивку обессилевшего зверька. Центральная панель в трещинах, под коробкой передач кусок кирпича. Ключи нашлись в кармане мажора.

Крутить баранку хоть и умею, но своего железного коня нет. А вместе с ним – и знаний ПДД. Так что, пока ехали, заработал на свой счет солидное число акустических дизлайков от машин и их владельцев. Один раз чуть не «поцеловал» бордюр. Чудо, что лишь один. Такими темпами гаишники сцапают раньше, чем уголовный розыск.

В клинике я передал кошку в умелые руки дежурного врача.

– Что случилось? – спросила она.

– Отобрал у каких-то уродов. Издевались...

– Убивать таких на месте!

О том, что ее желание было реализовано, я предпочел умолчать.

Пока женщина промывала и зашивала рану, я осторожно чесал кошке загривок, а рыжий полосатый хвост вяло дергался. Рыжая также спина и верхняя часть головы, кошка словно в супергеройской маске. Белая шерсть на лапках, животе, груди, забирается на мордочку белым треугольником. На этом треугольнике сбоку от носа – рыжее пятнышко.

– Здоровью ничего не угрожает, – заверила врач, – но ходить пока не сможет. Кошечке нужен уход и хорошее питание. Крови много потеряла.

– Конечно. Спасибо, доктор!

Не стал я говорить и то, что кровь на моей одежде вовсе не кошачья.

При клинике есть зоомагазин, я успел как раз перед закрытием. На деньги из кармана мажора купил лекарства по рецепту, корм, переноску, лоток, наполнитель, миску, несколько игрушек.

Когда вышел из спорткара рядом со своей пятиэтажкой, на скамейке два местных алкаша Ленья и дядя Боря разинули рты, две пары глаз выпучились в мою сторону, у Лени замерла клешня с огурцом, дядя Боря выронил стакан.

Сидящая рядом бабка, не помню, как звать, орет:

– А паренек-то с двадцать пятой совсем пропащий, с работы выгнали, с института выгнали, как пить дать наркоман...

Повернула голову ко мне.

И поперхнулась, со слюнями брызнула шелуха семечек, глазищи стали больше, чем у алкашей.

Я обошел машину, забрал с пассажирского переноску и пакет с покупками, дверца хлопнула, и я пошел к подъезду.

– Славик, а т-ты чо, уже работу н-нашел? – спросил Ленья.

– Что за работа?! – подхватил дядя Боря. – Тоже хочу!

Я ответил с крыльца:

– Дезинсекция... Паразитов истреблять. Особо крупных.

Дома устроил кошку на кровати.

Запахло древесиной, когда насыпал в лоток наполнитель. Миска с двумя отсеками, в один я налил воду, в другой выдавил пакетик влажного корма, посыпал лекарственным порошком.

По телевизору «Дежурная часть»:

– Срочная новость! Буквально час назад под пешеходным мостом на улице Ленина найден труп сына главы ГУВД...

Дальше не слушаю, мозг словно попал в вакуум.

Облако шерсти мирно сопит на подушке, рыжий бок вздувается и опускается, стрелка уха едва заметно шевелится, этакий перископ, торчащий из глубин сна...

Моя поломанная судьба в обмен на несколько часов покоя этой кошки.

Через сколько сюда ворвутся гориллы в камуфляже? Зря, конечно, я приехал домой на такой заметной улике. По камерам отследить – раз плюнуть. Сто пудов, уже едут с мигалками. Надо было, как в кино, кирпич на педаль газа, и в озеро. Не себя, только машину. Хотя убитый горем папаша, от которого, вероятно, сынуле и передались садистские гены, сделает со мной такое, что разумнее вместе с машиной.

Кошка, словно ощутив мой тревожный взгляд, подняла голову. Зеленые глаза смотрят на меня долго и сонно.

Но вот обратились к миске, ожили.

Я поднял пушистую на руки, думал, будет царапаться... нет. Монашеское смирение. Отнес в угол, руки бережно опустили рядом с миской. Кошка, прихрамывая, добралась до мяса в желе. Съела чуть-чуть. Зато воду вылакала аж полмиски.

Я взял в ладони мордочку. Пальцы гладят мокрую шерсть, рыжее пятнышко на белом треугольнике...

– Мяу!

Кошка довольно жмурится.

Сама дохромала до кровати, я лишь помог забраться.

Кое-как нашел в себе силы впихнуть в себя бутерброд и залить чаем, а потом выключил свет и в футболке и джинсах улегся на кровать рядышком. Предварительно извлек из телефона батарею. Может, это выиграет нам с муркой бонусные гроши времени.

Кошка свернулась на подушке калачиком, а я свернулся вокруг, мой нос уткнулся в мохнатый загривок. Шерсть щекочет ноздри, туловище нагрелось как от печки, я закрыл глаза и слушаю, как урчит...

На ладони греется тяжелое, металлическое. Находка из бардачка. Учítывая, чей именно бардачок, найденное не удивило. Пистолет. Не травмат, судя по калибру. Я вовсе не эксперт по оружию – загуглил, пока пил чай, как отличить боевой от подделок. То, что с большой долей вероятности он именно боевой, меня успокоило.

Живым не дамся.

Мне и так хана. Но ТАМ меня сразу не грохнут, папаша-психопат не позволит. Сперва обязательно сломают. И доламывать будут долго, мучительно.

С предохранителя снял, затвором клацнул. Главное, проснуться, когда начнут вышибать дверь. Или влетят через балкон? Только бы успеть, дуло в рот и...

Конец фильма.

Тишина...

Впервые в жизни я порадовался одиночеству. Были бы родители, как у ребят из полных семей, которым я завидовал, чьи папы носили на плечах, брали на рыбалку с ночевкой, а мамы сдували пылинки, откармливали котлетами... Но отца я никогда не знал. А для матери был вроде старой мебели: на фиг не нужен, но выкинуть жалко. Ее больше заботили мужики, от которых возвращалась пьяная, помятая. Которых водила домой, пока я был в школе.

Стоило мне поступить в институт, как она привела в дом очередного хахаля без всякой конспирации.

«Познакомься, это дядя Валера! Он будет жить с нами».

Причем «дядя» оказался старше меня всего на три года.

Это стало последней каплей. Я экстренно собрал рюкзак, моих более чем скромных накоплений (плюс назанимал у знакомых) впритык хватило снять квартиру-студию в пансионате. Сообщать матери адрес, разумеется, не стал. По телефону она грозилась заявить в поли-

цию, мол, из-под земли достанут, но дальше угроз не зашло. Никто теперь не мешал ей кувыряться с молодым любовником.

А для меня начались суровые будни. Раньше худо-бедно, но жил на материнских харчах, а пустившись в свободное плавание, шел после пар не под одеяло, а катать тележки, возить поддоны, таскать башни тяжелых коробок, карабкаться на стеллажи, раздавать листовки, махать метлой... Да что угодно, лишь бы хватало на жилье! Заправляясь дошираками и злобой на мать.

Звонки от нее становились все реже, а нынче и вовсе исчезла с радаров. Так что горевать по мне вряд ли будут. Сомневаюсь, что мою пропажу вообще заметят.

В том числе, Жанна. После того как я написал ей, что меня отчислили, на наше с ней, как выяснилось, последнее свидание пришел совершенно другой человек. Чужой. Было очевидно, он не испытывает ко мне ни малейшей привязанности. Невозможно было поверить, что эти губы еще вчера шептали, как любят, как ей хорошо со мной, и в горе и в радости... А увез ее на мотоцикле мой одноклассник.

Ничто не держит меня в этом мире.

Даже кошка не прольет слезинку. Но ей можно. Что с кошки взять, природа такая. Хотя уверен, эта малявка испытывает ко мне больше нежности, чем все сборище так называемых «близких людей». Вот за нее и отдам свою никчемную жизнь.

С этой мыслью я и уснул.

Все как есть

Проснулся от запаха жареной картошки и ветчины, а еще от шипения. Что-то скворчит на сковородке...

У плиты хозяйничает девушка.

Спросонья подумал, Жанна. Она вчера не бросила, дурной сон...

Но иллюзия жила лишь секунду. Волосы Жанны длинные, черные. А у этой – рыжее каре. Да и ростом сильно ниже. На девушке моя светло-зеленая рубашка с коротким рукавом и желтыми клетками. И, похоже... все. Под подолом матово блестят в свете утра голенькие ножки.

– Проснулся?

Девушка тряхнула волосами, и я увидел милое личико. Под зелеными глазами через переносицу припорошено веснушками. И рыжая родинка сбоку от губ, которые озарили улыбкой. Незнакомка поправила локон, не выпуская из пальцев деревянную лопаточку.

– Вовремя! Завтрак готов.

Она что-то поддела со сковороды, после чего тарелка в ее пальцах подплыла к столу рядом с кроватью, фарфор звякнул о застеленное кружевной салфеткой стекло, и я увидел... глазунью с двумя румяными пластиками ветчины и тремя поджаристыми драниками. Рядом с тарелкой девушка поставила чай. Правда, выбрала для него странную тару. Не чашку, а блюдце.

Завтрак, что ни говори, побуждает глотать слюну. Тем не менее, все еще внимательно изучаю девушку. Она перехватила мой взгляд.

– Что, не узнал?

Повернулась ко мне боком, пальцы приподняли край рубашки. На открывшемся бедре я увидел шов. Пухлую гусеницу поблекшей зеленки с черным узором ниток.

Девушка, глядя на меня, лучезарно улыбнулась.

Хочу что-то сказать, но не могу выбрать, что. Спасибо за завтрак... Ты очень красивая... Прикольно, не знал, что кошки умеют так... Слова в голове смешались, и все, что смог выдать, это:

– Мяу!

Лишь после этого догадался повернуть голову к шкафу, в дверце которого есть зеркало. В нем я увидел кота. Короткая шоколадная шерсть, яркие желтые глаза. Кот лежит на смятой футболке, рядом изогнулись не менее мятые джинсы.

Единственное, что меня удивляет, это мое спокойствие. В такой ситуации стоило бы ломать голову над тем, как такое возможно. Кошки не превращаются в людей! Люди не превращаются в котов! Ну да, ну да... Однако любопытно другое. Почему эта чертовщина (вернее, готовщина) меня ни капельки не беспокоит?

Мурчу, перебираю в мыслях бусины ответов... Наконец, выбираю нужный. Быть может, неверный, плевать. Главное – меня устраивает.

За вчерашний день я вымотал столько километров нервов, меня давило таким тяжеленным прессом отчаяния, что больше не хочу волноваться от слова «совсем». С меня хватит. Пусть мир рушится, пусть розовые слоны пляшут на голубых черепахах, пусть творится какая угодно дичь... До лампочки. Не потрачу на этот цирк ни единой нервной клеточки. Что бы ни происходило дальше, буду принимать все как есть. В кои-то веки проснулся с гармонией в душе, только попробуйте ее нарушить – глаза выцарапаю!

Теперь есть чем.

Я запрыгнул на столик, по телу теплая бодрящая волна. Мышцам и суставам так хорошо в движении, крчусь на месте, рассматриваю себя.

Девушка расположилась за столиком напротив меня, на ковре. Подложила подушку, усе-
лась по-турецки с чашкой чая в ладонях.

– Можешь теперь питаться кошачьим кормом, зайдет не хуже чипсов или шашлыка, но пока ты дрых, я, будучи пушистой, схомячила всю миску. Пришлось вспоминать кулинарные навыки. В общем, жуй пока то, к чему привык. Успеешь еще познать прелести кошачьего бытия...

Чавкаю картофельной оладьей в яичном желтке. Сочная мякоть тает во рту, а поджари-
стая корочка хрустит, муррр... Лучший завтрак в жизни! А теперь кусочек ветчины... Ом-
ном-ном! А как дивно все пахнет в непосредственной близости! Словно смерч перевернул фуру
со специями, а я – один большой нос, который закрутило в этот вихрь прятностей.

Чайное озеро в блюде я вылакал, даже не заметил.

Пить и есть без участия рук (вернее, лап) оказалось слегка непривычно, но именно слегка.
Неудобство лишь в голове. Кошачье тело прекрасно знает, как надо делать, и сделало. Остается
лишь умыться, что тоже, кстати, в программе автопилота, я лишь слежу, как лапа трется о
морду, а лапу чистит язык.

– Слушай... – начала девушка изменившимся тоном.

Пустая чашка отступила в сторону, предплечья скрестились на краю столика.

– Времени мало. За мной тоже охотятся, и поверь, мои преследователи гораздо страшнее
твоих... Но ты вчера не прошел мимо. Спасибо тебе! Это все, что могу сделать для тебя. В
человеческом облике ты легкая добыча. Достанут из-под земли. Но у кота...

Она погладила меня по макушке, и я не смог не замурчать.

– У кота есть семь дней, чтобы покинуть город, а еще лучше – страну. Доберись до ждэ-
вокзала, прыгни на поезд, который идет за границу. Через семь дней снова станешь человеком.
И ни в коем случае не снимай это.

Рыжая подергала что-то на моем горле. Я только сейчас понял: там посторонний предмет.
Прыжок, и я вновь на кровати, перед зеркалом.

– Я сделала его из ремешка часов, нашла в комод. Прости, если были тебе дороги.
Ничего более подходящего не попало. Часы вернула в комод...

Разглядываю полоску потертой кожи, едва отличимой по цвету от шерсти. Сбоку тускло
отсвечивает пряжка.

– Этот ошейник превратит в человека спустя семь дней. А без него останешься котом
навсегда. Не самая плохая судьба, если учесть, что можешь думать, как человек. Но если быть в
теле зверя слишком долго, память и рассудок постепенно покидают, остаются лишь инстинкты.
Ты забудешь, что был человеком. Отупеешь. В общем, станешь обычным котиком.

В дверь позвонили.

Шерсть на загривке встала дыбом. Девушка погладила меня по спине, пошла к двери.
Перед тем как открыть, посмотрела на меня, прошептала:

– Не ищи меня, ладно?..

Обошлось без погрома. Не штурм, а какая-то экскурсия. Три кабана в масках лениво
пошарили автоматами по углам, один заглянул в ванную, другой в шкаф, после чего в квартиру,
как к себе домой, вошел седовласый с каменным лицом, в черном плаще. Больше похож на вора
в законе, чем на сотрудника правопорядка. Последний, кстати, ужом вьется вокруг «плаща»,
придерживая кокарду, раздает указания кабанам, сдувает пылинки с седого. Того гляди, кофе
ему заварит.

Я сижу на подоконнике. Торчащий рядом медведь в камуфляже погладил, и я приложил
все усилия, чтобы не зашипеть. Но меня выдает хвост. Лапица в перчатке вернулась на приклад
автомата. Слава всем котам!..

– Так кем, говорите, приходитесь подозреваемому? – спросил усатый в кокарде, черкаясь
в протоколе.

– Я его девушка, – ответила рыжая.

– Интересно... И много у него девушек? Просто этот адрес нам сообщила гражданка, также утверждающая, что она его девушка. Правда, бывшая.

Жанна, чтоб ее... Сдала с потрохами! Впрочем, чего еще можно было ожидать. Экзамен на жену декабриста она завалила еще вчера.

– Какая, на фиг, девушка?! – раздался знакомый голос.

В дверях дежурят еще два быка в бронежилетах, но им не удалось остановить ворвавшуюся в квартиру брюнетку с длинными черными волосами. Легка на помине...

– Вот эта, что ли, курица? – возмутилась Жанна, ткнула фиолетовым когтем на веснушчатую мордашку рыжей. – Когда он тебя подобрать успел, на какой помойке?

Моя новоиспеченная девушка, даже не знаю, как зовут, подошла к Жанне на расстояние пинка. Руки на пояс, тряхнула волосами и сказала:

– Он лучший мужчина на свете! У меня от него бабочки в животе...

– Мяу!

Я в три прыжка оказался у рыжей на руках, она прижала меня к теплой груди. Подмигнула мне.

– Правда, котик?

Я снова мяукнул.

И мы оба смерили взглядами ту, чья грудь на размер меньше. Ее губы сжались в бледный узел, глаза кипят горячей смолой, Жанна готова вцепиться рыжей в горло.

– Тебе-то какое дело? – сказала рыжая. – Ты ведь его бросила.

– Я не бросала! Я в воспитательных целях, для его же блага... Думала, захочет меня вернуть, восстановится в институте, найдет работу, а он... Кобель! Я его любила, а он тут же нашел какую-то курицу! Или вы уже давно кувыркаетесь? Не мог он за один вечер тебя подцепить, он же ничтожество... Ты вообще в курсе, что он человека убил?!

– Где он сейчас? – спросил седой в плаще.

Он сидит в кресле с дымящей трубкой в кулаке. Спросил спокойным, даже уставшим голосом, будто проскрипело старое дерево, однако воцарилась напряженная тишина. Стоило ему заговорить, и многое стало понятно. Например, что он может прямо сейчас взять у подчиненного табельный пистолет, застрелить Жанну и рыжую, и ему ничего не будет. Оказали сопротивление при задержании. Ему не нужны ордера, разрешения, постановления, прочая макулатура с печатями. Он просто делает. А в инстанциях плодятся, как тараканы, бумажки, где подробно объясняется, почему все, что он сделал, не противоречит закону.

– Вы что, гражданка, вопрос не услышали? – надавил усатый в кокарде. – Вы хоть знаете, кто перед...

Его прервал звонок мобильного.

– Да кого там еще... Аллю!

Пока ему что-то бубнили в телефон, рыжая рассказывала, что понятия не имеет, куда я уехал, мол, обещал скоро вернуться, но не пояснил, когда конкретно.

Усатый закончил телефонный разговор.

– Товарищ генерал-майор, – обратился он к седому, – звонили из СИЗО. Ребята закончили колоть тех двух таджиков. Похоже, не врут. Дворы здесь подметают. Увидели, как этот ловелас вышел из машины вашего сына, а сигнализацию не включил. Ну и решили покататься. Девчонок половить на крутую тачку.

– Ясно, – отозвался седой.

– Что с ними делать?

Седой помусолил губами мундштук трубки, сморщенные губы выпустили кольцо дыма.

– Я подарил сыну эту машину на восемнадцать лет. А те обезьяны ее разбили. Из-за них мы столько времени потеряли! Сейчас бы уже взяли гада... Ко мне их, в подвал.

– Понял, – сказал усатый и снова достал телефон.

Жанна еще какое-то время позубоскалила в адрес рыжей, обошла квартиру с брезгливым выражением лица, пожаловалась на бардак, а затем каблуки зацокали к выходу.

Двое в масках загородили дверной проем своими тушами.

– Куда?

– Пустите!

– Такого приказа не было, дамочка.

– Я уже сказала все, что знаю!

Жанна попыталась протиснуться между двумя бронежилетами, но ручища одного из бойцов пихнула ее в плечо, и Жанна, вскрикнув, упала на ковер. Сумочка отлетела в сторону, с ноги соскочила туфля. Их владелица ошарашено озирается.

– Вы... Вы че, совсем, что ли?! Я жалобу напишу!

Усатый, закончив отдавать распоряжения по телефону, взлохматил ей прическу хлестким подзатыльником.

– Рот закрой, кобыла!

– Запри ее в туалете, – сказал седой. – Уходить будем, не забудьте.

– Не забыть выпустить? – уточнил кто-то из бойцов.

Седой хмыкнул.

– Смешно... Не забудьте взять с собой. Отвезете в подвал. К таджикам. Пусть развлекаются напоследок... Мать его уже привезли?

Усатый кивнул.

– В подвале.

– Вот и славно.

– Товарищ генерал-майор, – обратился усатый, поправляя кокарду, – может, чуркам хватит и матери? А девок отдать моим ребятам?

Седовласый вытряхнул пепел из трубки на ковер, аксессуар исчез в кармане.

– Хорошая идея.

Жанна тихонечко подвывает на полу, по лицу растеклась тушь, в глазах отчаянная мольба. Усатый схватил за волосы, поднял рывком, Жанна вскрикнула, но усатый стиснул ей челюсть сардельками пальцев.

– Не визжи, крыса! Зубы выбью!

– Без зубов даже лучше, – сказал боец, поваливший Жанну на пол. – Не откусит, хы-хы...

Другие громилы в масках тоже заржали.

Все это время я сидел у рыжей на руках и чувствовал, как они холодеют, но ее дыхание остается ровным. Когда я повернул голову и задрал вверх (какая гибкая у меня теперь шея!), то увидел, что рыжая хранит суровое спокойствие.

Взгляд Седого задержался на мне.

– Чей кот?

– Мой! – тут же ответила рыжая.

Седой поднялся с кресла, кисть отодвинула борт плаща, вернулась из-за пояса уже с пистолетом. Другая нырнула в карман, через несколько секунд ритмично заскрипел навинчиваемый на дуло глушитель.

– Плохо обманывать взрослых, деточка. Дяди в масках проведут с тобой воспитательную работу.

Скрип оборвался, Седой сделал шаг к рыжей. Она отступила, запнулась о кровать, та поймала за локоть и мягкое место, я оказался у рыжей на животе.

Мое тело превратилось в пружину, на лапах зацвели хищные венчики когтей, хвост бьется в агонии.

– Никто не уйдет от наказания, ни человек, ни зверь, – говорит Седой. – Когда вернется убийца моего сына, его будет ждать вкусный обед. Гуляш из кошатины. Заставлю съесть все до кусочка.

Усатый повел дрожащую Жанну в туалет, а Седой направил пистолет на меня.

Не ищи меня

Я зашипел.

Пружина во мне распрямилась, меня швырнуло вверх черного зрачка глушителя, я пронесся, как по мосту, по руке Седого, вцепился в рожу. Кошачий вой смешался с матом.

Дальше как в замедленной съемке. Для меня. А вот Седому и неуклюжим слонам, которые топтались вокруг, явно не хватает кнопки «пауза». Пистолет с глушителем оказался на ковре, Седой закружился в дикой пляске, сгорбился, закрылся руками, пытается сбросить, а мои когти перекраивают плащ в лохмотья.

Жанна с воплем вырвалась из хватки усатого, метнулась меж двух горилл на входе. Кажется, ей удалось прорваться на лестничную клетку, но ее догнали.

А я творю в квартире настоящую вакханалию. Вою, царапаю, скачу по плечам, переворачиваю посуду...

– Держи его!

– Держи-держи!

– Хватай!

Неповоротливые верзилы тянут ко мне лапы, но я уже за спиной или под ногами, взбираюсь, как по деревьям, летаю от одного к другому, будто Человек-паук между небоскребами. Мне и в голову не могло прийти, что движение может приносить такой кайф! Теперь ясно, почему коты и кошки любят кататься по полу, брыкаться, носиться, даже сами с собой. Это просто праздник для мышц и суставов!

– Попался!

Я завис в воздухе, меня схватили за шкуру. Попытки отбиться не дают результата. В итоге меня запахнули в переноску, которую я купил вчера, и вот уже смотрю с подоконника на погром в квартире сквозь металлическую решетку пластиковой коробки.

Усатый, ругаясь, заталкивает возвращенную и плачущую Жанну в туалет. Дверь хлопнула, плач стал глухим. Двое в масках снова стерегут распахнутую настежь входную дверь.

Седой поднял с ковра пистолет.

Его беглый взгляд прошелся по вспаханной поверхности плаща, пальцы помассировали тройную царапину на щетине, растерли на подушечках кровь. Седой уставился исподлобья на меня. Пистолет начал подъем...

– Может, – заговорил поймавший меня боец, – пристрелить кошака на глазах хозяина? И приготовить?

Глушитель замер.

Седой ушел в себя на несколько секунд, затем потряс указательным пальцем.

– Добрая мысль...

Пистолет опустился.

Седой оглядел квартиру. Взгляд задержался на пустой кровати.

– А где рыжая?

Головы закрутились в недоумении. Снова суета и ругань, бойцы стали маячить по углам, кто-то даже заглянул в шкаф.

– Бараны! – заорал Седой. – Упустили! Как она проскочила мимо вас?!

Усатый снял с пояса рацию.

– Пальч, прием. Из подъезда девка рыжая не выбегала? В рубаше на голое тело...

Из динамика хохотнули.

– Не-е, командир! Такую бы не проморгали, уж поверь!

– Она в здании, – говорит Седой. – Так, один со мной, остальные – живо искать! Обходите квартиры, балконы, этаж за этажом. Двери ломайте, если надо. Чердак, подсобку, проверьте каждую щель!

– Слушаюсь, товарищ генерал-майор!

Усатый увел почти всех бойцов, остались только Седой и тот, что меня сцапал. Седой вернулся в кресло, а бугай с автоматом начал лениво патрулировать квартиру. За стеной приглушенное хныканье. Седой положил пистолет на подлокотник, стал вновь набивать трубку табаком.

В руке бойца знакомый предмет. Шатаюсь по квартире, невзначай играет им, словно четками. Бурый кожаный ремешок... Только сейчас я обратил внимание: на моем горле нет ошейника.

– Пиво есть в холодильнике? – спросил Седой.

Громила бросил ремешок на кровать, провел инспекцию белого ледяного шкафа.

– Две бутылки!

Открыл одну, протянул Седому. Хотел открыть вторую.

– Ты при исполнении! – осадил Седой. – Поставь!

А сам сделал звучный глоток, блаженно выдохнул. Даже сквозь черную ткань маски заметно, как скисла морда бойца. Донышко запотевшей бутылки звякнуло о кухонный стол с крайней неохотой. А Седой раскурил трубку, голова откинулась на спинку кресла, веки опустились...

С подоконника из моей тюремной камеры можно заметить узкое пространство между кроватью и стеной, которое не видно ни с кресла, ни с центра комнаты. Там торчит из-под кровати краешек ткани. Светло-зеленой, с желтыми клетками. Моя рубашка.

А под тем краем кровати, который обращен к ногам незваных гостей, в тени мерцают зеленые глаза на фоне пушистого силуэта. Из-под мягкой мебели, прячась за опрокинутым столиком, выглядывает рыжая кошка с белым треугольником на морде.

Седой ожил, полусонный взгляд зашарил по углам.

– А что ты в руке вертел?

Ткнул подбородком в оставленный на кровати ремешок.

– Ну-ка, дай.

Тип в маске исполнил.

– С кошака, – пояснил он. – Ну народ пошел, котов в ошейниках на поводке выгуливают! Вот у меня котятка нормальный. Пнул через порог, вали на все четыре! Жрать захочет – вернется...

Седой вертит ремешок, глядя куда-то и попыхивая трубкой...

Его вниманием вновь завладела бутылка, оставленная у кресла. Кисть с ремешком нырнула в карман плаща, вернулась пустая, сцапала бутылку, и чередой сочных глотков, от которых кадык kloкотал как второе сердце, Седой прикончил ее за раз.

Опустевшую тару метнул в решетку переноски.

Стеклянный снаряд со звоном вдребезги, я взвыл и зашипел, мою тюрьму сдвинуло. Боец среагировал в тот же миг – развернулся в приседе, дулом автомата к окну, – но, поняв, что тревога ложная, расслабился. Осколки залетели внутрь коробки, сверкают мокрыми острыми гранями около моих лап. Хорошо, не в глаза!

– На, котлета, лизни для храбрости, – говорит Седой, – скоро живьем буду свежевать.

Снова откинулся на спинку кресла, рука легла на подлокотник, рядом с пистолетом. Через некоторое время над головой за клубилась сизая тучка, глаза стали сонные.

Увалень с автоматом маячит из угла в угол, иногда выходит на лестничную площадку. В открытую дверь влетает эхо: топот, стук, зычные команды, визгливые протестующие голоса

теток... Этаж за этажом безликие волки во главе с усатым шакалом ворошат людской муравейник. Из туалета проклевываются хныки...

Веки Седого в какой-то момент закрылись, голова отвернулась набок.

Он засопел.

Часовой, заметив это, начал ступать мягче, то и дело оглядывается на кресло. В очередной раз направился в прихожую, и в этот промежуток кошка метнулась из-под кровати под подоконник, вижу там только краешек батареи, разглядеть остальное мешает клетка, но справа шевельнулась гармошка занавески.

Скорее всего, кошка прячется за ее подолом, вернувшийся бугай не обратил на шторку внимания. Смотрит на Седого, украдкой продвигаясь к кухонному столу. Лапища обхватила бутылку с пивом, башмаки вновь крадутся к выходу. Вскоре с лестничной площадки прилетел пшик, боец присосался к стеклянному горлышку. Серия глотков... Выдох.

Шторка опять заколыхалась, и вдруг... перед решеткой появилась ладонь. Женская. Пальцы нежно стиснули запорный механизм, решетка отошла на полсантиметра. Столь же аккуратно пальчики отпустили замок, и рука исчезла в направлении шторы.

– Не ищи меня...

Будь я человеком, наверное, не услышал бы. Но кошачьи локаторы на макушке наострились, поймали шевеление губ.

И снова внизу прошмыгнула пушистая рыжая спина с полосатым хвостом. Нырнула обратно под кровать.

Я хотел за ней... Но скрипнула дверь туалета, вышла Жанна. Зареванное лицо, волосы растрепаны, ноги без туфель, а в кулаке – пистолет. Вот где рыжая спрятала... От греха подальше, наверное, чтоб я дров не наломал.

Боец на лестничной площадке заметил, рванул к ней, Жанна, попятившись в комнату, направила на него пистолет обеими руками, крикнула:

– Назад!

Громила замер в дверном проеме, руки вверх, в кулаке бутылка.

Седой проснулся, ладонь прыгнула на рукоять пистолета с глушителем, но не успела сжать – Жанна развернула свое оружие на него.

– Стоять!

Седой замер... Начал подниматься с кресла.

– Стой! – повторила Жанна.

– Встаю, сама же просишь, – отозвался Седой невозмутимо.

Моя морда боднула решетку, я совершил мягкую посадку на ковер.

– То есть, сидеть... – произнесла Жанна.

Прежде чем скрыться под кроватью, я успел увидеть – в голову Жанны прилетела бутылка. Тело грохнуло об пол, а дальше голоса:

– Сторож из тебя, дубина...

– Виноват, товарищ генерал-майор!

– Откуда у нее ствол?!

Я озираю подкроватное пространство в поисках кошки, но... здесь только я! Это удивило гораздо больше, чем в тот момент, когда я обнаружил себя котом. Куда она подевалась? Я же видел, бросилась под кровать. Успела выскочить? Но я бы заметил! Или нет?..

– А где кошак? – промычал боец.

Ботинки Седого прошуршали по ковру до батареи. А затем повернулись носками к кровати.

– Ну-ка, закрой дверь, – приказал их хозяин.

Задней мыслью понимаю, что совершаю ошибку, теряю драгоценные секунды, но разбуженное не к месту упрямство заставляет снова и снова крутить головой, искать рыжую и, что

хуже, искать объяснение. Тому, куда она пропала. В кошачьем теле проснулся человек. Людям свойственно ломать мозг поиском объяснений.

Но я не нашел. Ни рыжую, ни объяснение ее пропаже. Только свою рубашку с клетками. Бам! Щелк!

Боец исполнил указание начальника. Теперь из квартиры не выйти. Балкон и форточка тоже заперты. Могу, конечно, опять затеять карусель с когтями, но в конечном итоге все равно поймают. Или застрелят.

– А теперь... – начал Седой.

Далее боец стал активно выполнять приказы. Тело Жанны бросил на кровать. Саму кровать придвинул вплотную к стене со стороны окна. С противоположного края опрокинул и придвинул шкаф, под кровать хлынули осколки разбитого зеркала. Я словно опять оказался в тесной темной переноске. Стены с трех сторон. А с четвертой – узкий проход между креслом и столиком, их боец тоже поставил к кровати.

– Дай газовую гранату, – сказал Седой.

В мою новую тюрьму влетел железный мячик, стук по полу, удар о стену, и незванный гость зашипел, из его носика пошла тугая струя тумана.

– Нож дай, сейчас выскочит... Сволочь мохнатая, плащ изодрал!

Глаза начало щипать, из них потекло. Нос обжигает с каждым вдохом сильнее, в пасть и горло полился жидкий огонь. Лапы истерично трут морду. Я поспешил зарыться в рубашку, но это помогло ненадолго. Череп изнутри и снаружи охватил... мокрый пожар, не знаю, как еще назвать. Я одновременно горю и захлебываюсь.

В какой-то момент я сдался. Решил выскочить, но когда попытался поднять веки, понял, что не вижу. Из глаз льет так, что не разглядеть, с какой стороны выход. Даже из рубашки не выпутаться!

– А он точно там? – усомнился боец.

– Да где ему еще быть!

– Мявкнул бы, что ли...

– Ничего, сейчас у меня завизжит.

А дальше сознание милосердно начало меня отпускать. Уплываю в темноту, как космонавт от борта космического корабля. Вот и хорошо. Лучше так, чем то, что ждет снаружи. Не самый плохой финал.

Жаль только, не узнаю, кто она...

С лап не сойдет

– Как ты прошел за мной? – услышал я голос рыжей.

Лежу на холодном, шершавом, что-то мягкое тычет в голову.

– Эй, открой глаза, морда!.. Как тебе удалось пройти за мной?

Больше не могу отрицать наличие себя, хоть и помню, что покинул мир живых. Пришлось разлепить веки.

Передо мной кошка. Та самая, бело-рыжая. Но ведь я слышал голос...

Спина кошки на фоне светлого облачного неба изогнута в крадущейся манере, рыжая с опаской озирается.

– Сказала же, не ищи меня!

Не померещилось. Кошка говорит. Тем же звонким девичьим голосом, какой я слышал в квартире. Даже мимика кошачьих губ похожа на человечью, как в мультиках. Что касается меня, я осознал две вещи.

Я все еще жив. И я все еще кот.

– Это невозможно, – рассуждает рыжая, – мало того что ты смог прыгнуть через перемир, так еще и точно по моему следу... Как ты это сделал?!

– Не знаю! – ответил я.

Ну вот, еще и говорить умею в кошачьей шкуре. Родным голосом. А чего раньше-то мяукал?

– Я не собирался никуда прыгать. Меня газом травили, думал, умираю... Где мы вообще? Я поднялся.

Это оказалась бетонная крыша. С моего места за каменным бордюром видно только небо. Похоже, мы на большой высоте. Вокруг торчат спутниковые тарелки, антенны, воздух расчерчен линиями проводов. В углу свалены ржавые трубы, листы жести, обрезки арматуры, гайки и другой металлолом.

Кошка обходит меня по кругу, глаза изучают мою кофейную шерсть, хвост поднят знаком вопроса.

– Где ошейник?

– У того, в плаще. Седого...

Она остановилась, взгляд опустил.

– Плохо. Я бы сделала другой, но нужно время, а его...

– Его у тебя нет! – раздался над нами хриплый женский голос.

Я задрал голову к надстройке позади меня.

На ее крыше восседает черная кошка. Хвост, как гадюка, извивается. На шерсти застыли кривые лезвия солнечного света. От брови к усам пролегла бороздка шрама, через впадину глазницы, хотя сам глаз целый. Желтые глаза на фоне угольной черноты такие яркие, кажется, что лампы, а внутри горят свечи. Миндалины зрачков по форме и впрямь как свечное пламя, только черное.

Черное пламя рождает желтый свет... Гипнотическое зрелище.

– Кто это? – спросил я тихо.

Рыжая ответила не сразу:

– Я же говорила, за мной тоже погоня...

Дверь надстройки вздрогнула от глухого удара с той стороны, петли скрипнули, из темноты открывшегося проема вышел... вышло...

Гигантская ящерица! Размером с крокодила, но не крокодил... Именно ящерица. Меж плотно сжатых, как плоскогубцы, челюстей вылезла мясистая вилка языка, лизнула воздух,

всосалась обратно. Тяжелые Г-образные лапы с боков переставляются парами крест-накрест по очереди, тело изгибается то в одну, то в другую сторону.

Мы с рыжей поспешили убраться от ходячего танка, я спрятался в тени спутниковой тарелки, а рыжая забралась на грудку металлолома.

Варан... Я вспомнил! Их называют варанами, эти чудища живут в Австралии! Я бы мог поверить, что меня занесло на другой материк, вот только граффити из великих и могучих трех букв на бордюре беспощадно опровергает такую догадку.

Бескрылый дракон остановился на том месте, где были мы с рыжей только что. В бетон вгрызлись черные когти, покачивается острое бревно хвоста. С подбородка свисают слюнные щупальца. В глазных яблоках тьма, оттуда наблюдает нечто древнее, неподвластное времени и переменам...

Черная кошка спрыгнула на хвост варана, лапы сплели цепочку грациозных шагов по кольчуге из чешуи, миниатюрная пантера взошла на голову ящера, как на утес.

– Долго будешь убегать, дрянь?! – прокричала она.

Рыжая развернулась вполоборота к бетонному забору, смотрит за край крыши, где, наверное, скрывается город.

– Зря забралась на эту гору хлама, – говорит черная, – тебя видно из окон соседних домов. Или ты забыла главный закон перемира? Наши силы не действуют на глазах людей.

Но рыжая все смотрит в пропасть. Я уловил в движениях ее мышц намерение развернуться к краю крыши полностью. Неужели хочет прыгнуть вниз?

– Спускайся! – рявкнула черная.

Рыжую будто сдернули с металлического холма невидимым лассо, она ударилась о бетон в паре метров от черной кошки, вой заставил меня вздрогнуть.

Я бросился на помощь, но в следующий миг меня... придавило к бетону! Дыхание перехватило, даже взвыть не могу! Что-то холодное давит на хребет с такой силой, что я невольно вспомнил терминатора под прессом. И лишь попав под этот неведомый пресс, я заметил, что вижу перед собой только двух кошек.

Где варан?

Ответ оказался в поле моего зрения почти сразу. По обе стороны от меня, будто воротник, черные кинжалы когтей. А справа нависает чешуйчатая морда. На меня ноль внимания, чувствую себя крошечной шлюпкой под бортом военного крейсера, палуба челюстей направлена к кошкам. Эта громадина будто и не заметила, что придавила меня, случайно под ногу попался.

Как эта туша оказалась позади меня? Да еще незаметно! Я же отвернулся на несколько секунд...

Но пока я косился на варана, оказалось, рыжую кошку тоже припечатали к бетонной тверди. Подошвой высокого шнурованного ботинка.

– Отбегалась!

Это был тот же хриплый женский голос. Но не из кошачьей пасти, а из губ человека. Смуглая азиатка с красивым воинственным лицом и длинными черными волосами. Как у Жанны, только небрежные, стянуты в три хвоста. Шрам от брови до щеки. Ботинки, кожаные штаны, ремень, перчатки без пальцев, майка – все черное, как шерсть кошки, которая была здесь только что.

Азиатка сидит с упором на одно колено. Та нога, что впереди, вдавливают протектором рыжий кошачий бок.

– Даже не надейся на быстрый конец.

Ладонь смуглой бестии нырнула в волосы, вернулась с зубастым кинжалом внушительных размеров. Такое оружие не спрятать в шевелюре, пусть и столь роскошной. Не поместится. Тем не менее, глаза не обманывают – женщина вытащила из волос почти меч.

Провела острием по горлу кошки.

– Изрежу каждый сантиметр твоей шкурки. Или кожи, не важно. Хоть кошкой, хоть девкой, все равно – будешь в шрамах с головы до ног, от ушей до хвоста. Посажу в камеру с зеркалами вместо стен. Бронированными зеркалами. Чтобы разбить не смогла.

Мех на шее рыжей потемнел, острое клинка заблестело красным, губы пленницы сморщены оскалом. Но кошка молчит. Взгляд зеленых глаз отстраненный.

– Надо же, какие мы стойкие, – сказала азиатка.

– Жаль рушить твои сладкие мечты, – отвечает рыжая сквозь стену терпения, – но для сведения счетов... ты выбрала неудачное место.

Клюв кинжала вошел в горло глубже, кошка зажмурилась, не смогла сдержать стон, пусть и тихий. С мокрой шерсти на бетон потекло темное, густое, вспухает лужица.

– И что же это за место? – спросила азиатка.

Спросила напряженно. Словно почуяв неладное.

Наполненный болью мяв рыжей угас, веки медленно поднялись, под ними я увидел сосредоточенность.

– Мое место, – ответила она.

И вдруг вспыхнула, как лампочка! Будто каждая шерстинка стала ниточкой вольфрама, и кто-то включил рубильник. Я успел заметить, как азиатка отвернулась и заслонила глаза вооруженной рукой, прежде чем мои веки тоже поспешили спрятать меня от световой бури.

Это длилось мгновение, но его хватило рыжей, чтобы исчезнуть из-под подошвы. Меня отшвырнуло когтистой лапой, когда варан бросился кошке наперерез. Та уже летит к бордюру, в воздухе за ней призрачный след, повторяющий ее силуэт. Капкан драконьих челюстей, извернувшись, хлопнул, но не поймал, громадная туша налетела боком на свалку металла, раздался грохот.

А кошка исчезла за краем бетонной ограды.

Через секунду к ограде подбежала азиатка, клинок звякнул о каменную твердь, кулаки женщины уперлись в бордюр, она заглянула за край.

– Опять в перемир ушла, через мантию... Вот дрянь!

Крик ярости разнесся к небу.

Варан стряхнул с себя куски ржавого мусора, продолговатая туша обошла азиатку сзади, и та опустила, не глядя, на чешуйчатую спину, как на скамью.

– Здесь ее даймен, – произнесла устало.

Ломать голову над этими странными словечками некогда. Я уже прокрался к распахнутой двери надстройки, женщина сидит ко мне спиной, варан застыл боком. Но его морда повернулась, черная бездна под бровями заставила меня замереть. Он прошипел.

В следующий миг над моим ухом свистнуло лезвие, кинжал вонзился в стену над лестницей, в сумрачную глотку которой я сиганул.

Она привела в подсобное помещение с антресолями и коробками. Дверь закрыта, я прыгнул и повис на ручке, та наклонилась, но дверь осталась закрытой, лапы с гладкого металла соскользнули.

Решетка вентиляции!

Я взобрался по ступеням картонных коробок, встал на задние лапы, а передними при поддержке зубов истерично дергаю на себя. С какой-то попытки чуть кубарем не скатился с коробки, решетка отлетела.

И вдруг коробку, что на ступень ниже, вспорол изнутри маленький коготь. Разрезал полоску скотча между створками, вылезли передние лапы и голова черной кошки.

– Куда собрался?!

Она зашипела.

Меня окатил животный ужас, как ошпаренный я кинулся в люк. Меня поглотил лабиринт квадратных труб, паника швыряет от поворота к повороту, за одним из них меня снова встретили желтые глаза.

– Думаешь, дам уйти? – прохрипела кошка.

Я шарханулся назад, меня ударила жестяная стенка.

– Ты спутался с рыжей дрянью! Тебе это с лап не сойдет...

Кошка хищно ползет ко мне.

Меня понесло по другой трубе столь же быстро, как сегодняшний завтрак по трубе кишечника. Мех трется о полированный металл с четырех сторон, уши прижаты к голове, я будто в гробу, только очень длинном.

Наконец, еще одна пластиковая решетка.

Я протаранил – и угодил в разинутую пасть варана! Спасла решетка, что летела впереди, я за ней, как за щитом. Челюсти ящера сомкнулись на краях решетки, я оттолкнулся от нее лапами, меня выбросило из пасти, а костяной капкан схлопнулся, брызнули белые пластиковые щепки. Я прокатился кубарем по полу, лапы помчали по длинному коридору.

Слева и справа мелькают закрытые двери, а в конце блестят створки лифта. Где-то там должна быть лестница...

Позади ритмичный грохот.

Варан несется за мной, а у него на шее, вцепившись когтями, черная кошка, глаза наездницы горят желтым огнем.

Лифт все ближе, но я не успеваю, грохот сзади растет, дрожь пронизывает каждую клеточку тела, сердце бьется в истерике! Чувствую, монстр вот-вот настигнет...

Стальные створки впереди разъехались, вышел мужчина. Я пролетел между ног, врезался в заднюю стенку лифта, морда повернулась к человеку. Хочу крикнуть «На помощь!», но получилось:

– Мяу!

Крепкий мужчина смотрит с площадки на меня.

– Ты чего, котяра? – басит дружелюбно. – От собаки удираешь?

Посмотрел в коридор. Я тоже.

Пусто...

Тишина, как в могиле. Мужчина снова оглянулся к лифту.

– Из квартиры, наверное, сбежал. Дети замучили, да? Не люди нынче, а звери.

– Мяу!

– Бедолага...

Лифт закрылся, кабина тронулась. Табло на панели начало обратный отсчет. Я вжался в угол, глаза ищут угрозу. Отупевший от страха мозг кое-как родил мысль, что я не умею разговаривать в присутствии людей.

Но куда подевались варан с кошкой? Не могли же испариться... Или могли? Появляться ведь могут.

«Наши силы не действуют на глазах людей», – вспомнил я слова черной, когда та была в облике человека.

Чем ниже спускается лифт, тем сильнее бьется в клетке ребер испуганный комочек. В моем воображении двери раскрываются, а за ними – башка динозавра с черной кошкой наверху...

Третий этаж... Второй... Первый!

Стальной ящик вздрогнул, застыл.

Створки начали разъезжаться, но кабину уже затопил женский галдеж.

– Вот ему и говорю, удали из друзей эту кикимору, а то расстроюсь, напутаю чего на нервной почве, в борщ тебе вместо соли пемолукс насыплю...

– Ой, гляди, киса!

Я проскользнул меж двух пар туфель к двери подъезда, но потом все же пришлось унизиться, я отчаянно замыкал, стал крутиться, сверкая умоляющими глазами в сторону женщин. До меня дошло, что пока они здесь, мне ничего не угрожает. Но стоит им исчезнуть за створками лифта...

– Галя, пошли!

– Киса просится на улицу!

Моя спасительница не поленилась доцокать каблуками до двери подъезда, увенчанный розовым ногтем палец нажал кнопку. Домофон запиликал, вспыхнула светом дверная щель. Женщина толкнула кусок стены на петлях.

– Беги, красавчик.

– Мяу!

Я бы ее расцеловал, но пришлось ограничиться экспресс-массажем колготок мордой, я дал себя погладить, а затем поспешил на свободу.

Долгая история

Блуждаю по лабиринту дворов. Детские площадки, скверики, магазинчики, скамейки и клумбы у подъездов... Со всех сторон – окна многоэтажных дворов. Прячусь в кустах, песочницах, под припаркованными авто, от укрытия к укрытию, хотя с моей шоколадной окраской быть невидимкой получается не очень.

– О, гляди, кошак! Породистый, зараза...

Восторженные ахи и ухты, иногда с намерением взять в плен. Убегаю, но так, чтобы люди оставались поблизости. Хочется побыть одному, но понимаю, что в присутствии двуногих мне не угрожают потусторонние четвероногие. Насколько я разобрался, варан и черная кошка (да и рыжая) могут перемещаться в обход привычных законов физики. Пространство и стены им не преграда, способны возникнуть где угодно, лишь бы не видели люди.

Сгустились тучи, ветер погнал со дворов мамаш с детьми, ожили и шатаются по асфальту трупы опавших листьев.

Я не придумал ничего лучше, чем спрятаться под мусорными баками. Меня не видно, а я вижу прохожих, в случае чего могу броситься к ним. Да и вокруг полно окон, кто-то ведь иногда выглядывает из кухни с чашкой чая или с балкона, попыхивая сигаретой...

Эх, домашний уют...

Он уже кажется таким далеким. Впрочем, и здесь неплохо, по крайней мере, варан точно не появится – слишком тесно. А с кошкой можно и поцапаться на когтях, еще посмотрим, кто кого...

– Вот черт! – сказал я.

Вообще-то, думал, выйдет очередное «мяу», но... наверное, я вне досягаемости для человеческих ушей.

Оказалось, под контейнерами нашел приют не я один.

Здесь лежит серая крыса.

И осталось ей, похоже, недолго. Через весь бок – кровавая борозда, а на шее укус. Шерстка на брюшке и лапках слиплась, на асфальте блестят среди мусора и пыли бордовые пятнышки. Глаза грызуна закрыты, но он еще дышит. Сопение наполнено болезненной тяжестью.

Я подкрался вплотную.

Запах крови наполняет нос приятными мурашками, во рту скапливается слюна. Звериный инстинкт недвусмысленно дает понять, что передо мной – еда. Очень вкусная! Намного вкуснее, чем корм в миске...

Но не могу.

Так уж вышло, что к крысам у меня непреодолимая симпатия. У деда жили две крысы. Мы вместе покупали в зоомагазине. Когда я приезжал в гости, то обязательно чистил клетку, кормил, поил и, конечно, играл со зверьками. Брал из клетки, сажал на плечи. А они бегали по мне, обнюхивали, облизывали. Милейшие ласковые создания. Если, конечно, регулярно с ними играть и держать минимум по двое, чтоб играли друг с дружкой. Они существа социальные. В одиночестве крыса быстро дичает, начинает шараться от людей, может и укусить.

Разумеется, передо мной сейчас именно такой случай. Дикая уличная крыса.

Но память сильнее голода. Моя дурацкая биография и так весьма скупа на что-то хорошее, и причинить вред крысе – это окатить помоями воспоминания о бабушке, о тех светлых часах, что я проводил с его домашними грызунами.

Порыв ветра загнал под бак обертку из-под «сникерса», та застряла в крысьей шерстке, зверек вздрогнул и продолжил тяжело сопеть. Обертка колышется, трется о рану.

Моя лапа смахнула это недоразумение, фантик обиженно забился в угол мусорной зоны.

По крыше навеса, по забору застучал дождь.

Глаза вдруг тоже ощутили потребность что-нибудь излить. Я осознал, что совсем один. Как эта крыса... Столько всего случилось за последние полтора суток! Я попытался осмыслить все сразу, и мозг начал вязнуть в тумане. Накатила беспощадная усталость. Если сейчас не поплюю, меня стошнит от избытка невероятных событий на единицу времени.

Я улегся, спрятав крысу в клубок своей тушки. Серая бедолага обречена, но хоть согрею напоследок. Пусть ее жизнь отправится в крысиный рай из хорошо протопленного дома, а не из промерзлой хибары.

Так я и уснул.

А когда проснулся – крыса оказалась в полном порядке!

Никаких укусов и царапин, лишь сухие иголки шерсти от спекшейся крови. Крыса по-прежнему в плену моего меха, только не лежит, а сидит, черные бусинки смотрят на меня. Окаменела от напряжения.

Стоило мне шевельнуть головой, и она перепрыгнула мою спину, метнулась из-под бака.

– Стой! – крикнул я.

Остановил ее не мой зов, а пролетевший мимо курьер на велосипеде. Желтый плащ мелькнул перед глазами, крыса отскочила назад от грязной волны из лужи, шерсть обстреляли брызги. Лысый хвост в панике крутится, стрелка мордочки ищет сухой путь.

– Я тебя не трону! – сказал я тише.

Мордочка повернулась ко мне. Замерла.

– Не убегай, – почти прошептал я. – Пожалуйста...

Сажу под баком, спрятав лапы под туловище, и гляжу на крысу.

Зарычал возникший из-за угла жилого дома внедорожник. Оскалившись решеткой радиатора, подъезжает в нетерпении к бакам, грязь в лужах спешно расплескивается с дороги. Крыса юркнула под бак, через один от моего. Я отполз глубже в тень. Дверца иномарки открылась, на асфальт ступили дорогие ботинки, зашуршало, похоже на целлофан, бак надо мной вздрогнул.

Когда машина уехала, я и крыса повернули друг к другу головы. Только головы. Хочу показать, что не намерен кидаться. А крыса готова в случае чего дать стрекача.

– Правда не тронешь? – спросила она.

Я чуть не прыгнул от радости, что крыса умеет разговаривать, но сдержался.

– Правда!

– Ты что, не голодный?

– Ну... вообще-то, кушать уже хочется. Но держу себя в руках.

Крыса помолчала. Затем повернулась ко мне всем тельцем.

– В руках?... Так ты человек?

Голос тихий, вкрадчивый. Как у интеллигентного старичка. В шляпе, очках и с тросточкой. Мягче, чем у моего деда, но все равно напоминает.

Выходит, это не крыса, а крыс.

Мой взгляд упал на скомканную рядом с колесом бака жвачку.

– Вообще не понимаю, что происходит, – произнес я.

И меня понесло.

Я начал рассказывать обо всем, что случилось со мной со вчерашнего дня. Сбивчиво, путаясь в хронологии, постоянно возвращаясь и дополняя, но... как получалось, в общем. Эмоции через край. Время потеряло счет. Пока я говорил, несколько раз сменилась погода, солнечный свет уступил дымке сумерек, а крыс подкрался почти вплотную. Я захватил не только события последних двух дней, но и фрагменты далекого прошлого, не знаю, зачем... Наверное, настал момент, когда необходимо как следует выговориться.

Если бы мне кто сказал позавчера, что моим первым в жизни психотерапевтом будет помойная крыса...

В какой-то момент я остановил поток слов. Не то чтобы рассказ пришел к логическому завершению. Просто понял: хватит. Загрузил мозг бедного грызуна, он теперь сидит, смотрит в одну точку, бедняга... Переваривает.

– У тебя мама хоть была, – произнес, наконец, крыс.

– Да она и сейчас... есть.

Последнее слово я сказал неуверенно. Мать в плену у Седого, и что с ней – неизвестно. Затем я спросил:

– А у тебя?

Крыс заговорил не сразу:

– Была, но так давно... Ты ушел сам, когда решил, что пора, а моя бросила совсем еще мелким... Если не сказать «забыла». Оставила непонятно где и сбежала, даже не предупредив.

Мы помолчали.

– А у тебя есть имя? – спросил я.

– Называй меня Ластик.

– Ластик?

– Ага...

– Почему Ластик?

– Потому что... Ластик.

– Но почему? – допытываюсь я.

– Эх, человек... Людям для всего нужна причина. Всему ищите объяснение. Именно поэтому чудеса прячутся от вас. Не терпят, когда их пытаются объяснить.

– Ну, Ластик так Ластик. Тогда буду Грифель. Хотя у меня есть человеческое имя, но коту такое не идет.

– Грифель, – произнес крыс медленно, словно пробуя на язык.

– Гриф. Зови меня Гриф.

Ластик задумался.

– Буду звать Риф.

– Почему Риф?

Крыс вздохнул.

– Ты опять за свое, человек? Если продолжишь любой ерунде подбирать объяснение, перемир тебя не впустит. Как тебе вообще удалось в него прыгнуть? Из-под кровати – на крышу...

– Понятия не имею.

– Вот и не имей! А то еще спугнешь...

– Кого?

– Не знаю. То неведомое, что сжалилось над тобой.

– Что теперь, вообще вопросы не задавать? Как тогда узнаю, что такое перемир и... как же она сказала... даймен! И вообще, ты должен был помереть! Куда делись твои раны?!

– Думаю, туда же, куда и рана той рыжей. Ветеринар сказал, она пока не сможет ходить, так? Тем не менее, у тебя дома уже смогла, пусть и не без помощи, дойти до миски и обратно. А утром... Ты замечал, чтобы хромала?

– Нет. Показала шрам, и все. Я вообще забыл, что у нее рана.

– Целитель...

– Что?

– Твой дар. У каждого в перемире есть необычные способности, самые разные, однако всегда есть предрасположенность к чему-то.

– Я что, могу исцелять?

– Как видишь, – сказал Ластик и повернулся ко мне боком, где недавно кровоточило вскрытое мясо, а теперь ровная шерсть. После чего продолжил: – Исцелять можешь, но не можешь этим управлять. Ты человек, пусть и в кошачьей шкуре. Человечье восприятие мешает проявляться талантам, брать их под контроль. Ты вообще не должен был касаться перемира. Реальность к этому строга. Она следит, чтобы мир и перемир не пересекались. Но тебе помогли. Подтолкнули туда, куда сам бы ты не попал. И теперь ты... уи-уи-уи-и-и-и...

Речь Ластика сменилась крысиным писком, я спросил, в чем дело, но вопрос прозвучал лишь в голове, а пасть выдала:

– Мяу?

Мы умолкли.

Оказалось, к бакам подкралась дети, мальчик и девочка. Даже успели заглянуть под баки, но их окликнула мама:

– Таня! Андрей! А ну прочь от мусора!

– Ма, тут клыса! – крикнула Таня.

– И котя! – добавил Андрей.

– Ко меня, сказала! Живо!

Дети побежали к матери.

– Заразу еще подцепите, негодники...

– Ну ма!..

Голоса удалились, и способность говорить к нам вернулась.

– Значит, мы не можем разговаривать, когда рядом люди, – сделал я вывод.

– Когда люди могут слышать, – уточняет Ластик. – Я же говорил, реальность следит, чтобы люди не знали про перемир. Нам даже делать ничего не нужно, чтобы скрывать от людей наши способности. Мы просто не сможем эти способности применить, если нас видят или слышат люди.

– Вообще никак?

– Ну... Ладно, бывает иногда. Редко. По мелочи.

– И к чему это приводит?

Я впервые услышал, как Ластик улыбнулся.

– К тому, что некоторые видео в интернете набирают просмотры!

Мне тоже стало весело. Мы тихо посмеялись, а затем попросил:

– Ластик, научи меня!

– Чему?

– Всему! Ты знаешь много, а я... Я совсем сбит с толку. Человеческая жизнь под откос, на меня там идет охота. А тут еще превратили в кота, и человеком снова не стать без магического ошейника. А ошейник у главаря тех, кто меня ищет. А та, кто может сделать новый, – сбежала! И я еле ноги унес... Вернее, лапы. Черт, как много всего и сразу!

– Мне жаль, человек. Но чем тебе поможет уличная крыса?

– Расскажи, что такое перемир! Объясни, как тут жить, Ластик! А я буду тебя защищать! Боец я, конечно, так себе, но уже успел задать трепку банде вооруженных людей. Справлюсь! Никто больше не посмеет тебя изувечить! Кстати, а кто... причинил тебе те ужасные раны?

Крыс отвернул мордочку.

– Долгая история...

Затем после некоторого раздумья черные бусинки снова посмотрели на меня.

– Ты спас мне жизнь, нельзя не признать. Что ж, может, это знак. Может, я еще нужен для чего-то под этим небом... Будь по-твоему!

Перемир

К бакам подъехала «газель». Водитель что-то выкинул из кузова, а когда вернулся в кабину, мы с Ластиком вылезли из-под бака. Крыс прыгнул на заднюю фару, коготки заскрежетали по борту, серая тушка, а затем и хвост втянулись под брезентовый занавес. Мои лапы подбросили меня сразу к краю борта, зато с брезентом пришлось пободаться, прежде чем он впустил.

«Газель» зарычала, тронулась.

– И куда едем? – спросил я.

– Без разницы, – отвечает крыс, – нужен простор, но без посторонних глаз. Этот кузов сгодится. И нет никого, и места хватает.

– Для чего?

– Научить тебя ходить через перемир.

Нас качает на поворотах, но вот машина выбралась из дворов на оживленную улицу, поехала прямо. Гляжу из-за края брезента на суету вечернего города. Идут с работы люди, урчат и сигналият автомобили, автобусы, в тених позолоченного сумрака зажигаются вывески. Ноздри поймали укусный запах шашлычной, в горло потекла слюна.

– Так что такое перемир? – спросил я.

Ластик забрался на пирамиду деревянных ящичков и картонных коробок. Смотрит на меня с вершины этой горы.

– Все, что скрыто от людских глаз и ушей, это перемир.

Я оглядел металлический каркас и брезентовые стены нашего убежища на колесах, ящички и коробки. Нос сообщает, что еды в них нет.

– Этот кузов – тоже часть перемира?

– Да. Но как только сюда заглянет водитель или кто-то еще из людей...

Крыс замолчал, давая мне возможность закончить. Что я и сделал:

– ...быть перемиром кузов перестанет.

После чего запрыгнул на ящик, вскарабкался по коробкам к учителю, тот смотрит вниз, в темный угол ближе к кабине. Я вгляделся, полумрак открыл мне... деревянную бочку. Маленькую, как табуретка. На дощатом пузе нарисована веселая глазастая пчела. Я спустился, обнюхал... Пустая. Если там и был мед, то эти времена давно прошли. А вот крышка пахнет человеком. Причем не самой благородной его частью. Похоже, бочку и впрямь использовали вместо табурета.

Я вернулся к Ластик, с досадой констатировал:

– Еды нет.

– Вот и хорошо, – говорит крыс, – на голодный желудок лучше доходит.

Я хотел пошутить, мол, голодный желудок намекает, что я сейчас разговариваю с потенциальной едой, но сдержался.

Ластик забрался мне на спину.

– Ты чего, Ласт?! – поперло из меня возмущение. – Я что, похож на лошадь?

– Есть хочешь?

– Хочу.

– Тогда не перечь. Надо. А теперь слушай внимательно...

Говорил он, как всегда, в своей манере, тихо, вкрадчиво, как дедушка на лавочке, но с таким обнаглевшим спокойствием, словно уверен: возражений не будет. Коготки вцепились мне в шею и спину, крыс устроился между лопатками, как в седле. А внушает он, что я должен разбежаться и выпрыгнуть из машины.

– Смерти моей хочешь?!

– Дождись, когда встанем на светофоре, если тебе так спокойнее. Но надо именно с разбега! В то место, где мы залезли, видишь, угол брезента болтается? Вот прям мордой в него, как пушечный снаряд, но самое главное... Главное – в этот момент закрой глаза и прижми уши к голове. Ты не должен видеть и слышать, куда прыгаешь! Понял?

Как назло «газель» начала замедляться, даже времени поспорить или хотя бы морально подготовиться не дают!

– Знаешь, что-то жрать уже расхотелось...

– Вперед! – скомандовал крыс.

Благо, хоть ругаться не запретил, и, когда машина затормозила, я влетел в брезентовую преграду с диким мявом. Туловище и лапы ждут удар об асфальт или капот другой машины... Нет, о лобовое стекло!

Только почему вдруг стало тихо?

Я открыл глаза, обнаружил, что стекло вовсе не автомобильное. Подо мной белая гладкая поверхность. Рядом торчит в горшке кактус. За окном высота этажей десять, внутренний двор какого-то элитного микрорайона, его обступили цветастые новостройки.

Мы на чьей-то кухне.

– Говори шепотом, – предупредил крыс очень тихо и слез с моей спины. – Если хозяйева услышат, опять начнем пищать и мяукать. Это в лучшем случае...

Я хотел спросить, что в худшем, но внимание поглотил стол.

Он накрыт яркой праздничной скатертью, торчат бокалы, бутылка шампанского, ваза с фруктами и виноградом, торт, стопка блинов, майонезная гора салата в миске, какая-то запеченная на противне птица, явно не курица, слишком уж большая. Может, гусь или индейка...

Я чуть не поперхнулся слюной, лапы стали легкими, как перышки, и вот уже переставляю их между блюдами.

– Стой! – прошипел Ластик.

Но я отдался гастрономической оргии. Надкусываю все подряд, морда разукрасилась кремом и майонезом, особого приема удостоена птица. Обхожу противень со всех сторон, откусываю от крыла, от бедра, от груди и шеи.

– Риф, прекрати! – пытается вразумить Ластик.

– Зафем? – промямлил я с куском птичьего мяса в зубах.

– Нельзя брать у людей в открытую!

Крыс перебрался на стол, но к еде равнодушен. Не понимаю, чего медлит? Боится, что застукают хозяйева? Тем более надо успевать! Спасаться от швабры – это потом. Решаем проблемы по мере поступления, а в данный момент проблема – голод.

Хвостом я задел бокал, тот полетел со стола.

Вдребезги!

Мы быстро оказались на полу, инстинкт велит забиться в какую-нибудь щель, но холодильник, плита, шкафчики, – все плотно прижато друг к другу, не пролезть, и страх погнал в коридор, вышвырнул в...

Гостиную.

На диване дремлет хозяйка. Женщина лет пятидесяти, в фартуке. На животе пригрелся пульт от телевизора, на экране мелькают картинки, но звука нет. Наверное, мадам устала хлопотать с готовкой, даже звон битой посуды мимо ушей...

Звонок в дверь!

Мы с Ластиком нырнули под комод. Лишь после второго звонка по ковру зашуршали тапки.

– Бегу-бегу!

Из-под комода хорошо виден коридор. Сейчас женщина пойдет мимо кухни, повернет туда голову, ужаснется...

Но ужаснуться пришлось мне.

Хозяйка заглянула на кухню. На губах возникла улыбка, женщина кивнула, словно убедилась, что все в порядке, и прильнула к дверному глазку. А вот у меня в тот же миг поплыло в глазах, к горлу подступила тошнота. Ощущение, словно из туловища в районе живота вырвали кусок мяса, там образовалась какая-то пустота. Волна слабости вынудила лечь набок.

Тем временем в коридоре щелкнул замок.

– Какие люди, без охраны! – воскликнула хозяйка.

– Привет, именница!

– Танечка, с днем рождения!

Гость и гостя переступили порог, квартира наполнилась звонкими голосами, вешалки принимают на хранение одежду, а я... лежу и пытаюсь понять, что со мной. Крыс поставил мне на брюхо передние лапки.

– Говорил же...

Хотелось спросить, какого черта, но сил нет даже на это. Хозяйка провела супружескую пару в гостиную, из разговоров ясно, что ждут еще кого-то, за стол еще рано. Женщины стали обсуждать растения на подоконнике, хозяйка хвастается экзотическим сортом цветов, а мужчина вышел покурить на балкон.

Мы поймали момент, страх кольнул дозой допинга, и я, преодолевая слабость, метнулся за Ластиком в коридор, а затем на кухню.

– Здесь прятаться негде, – шепчет крыс, – но дверь в ванную приоткрыта. Нам туда...

– Погоди.

Пол чистый, никаких осколков от бокала. Прыжок на подоконник, к уже знакомому кактусу, и я развернулся к столу. Там полный порядок. Птица, которую я рвал со всех боков, теперь – будто только из духовки. Башенка блинов ровная. Торт в целости и сохранности, салат тоже...

И главное, я опять голодный! Даже сильнее, чем когда увидел сей натюрморт в первый раз.

– Риф, надо смываться! – торопит Ластик шепотом.

– Куда?

– Спускайся!

Я послушался, и крыс снова залез мне на спину.

– А без этого никак? – спросил я.

– Иначе не протащить через перемир. Я уйду, а ты останешься.

– Ладно... Что делать?

– Выгляни за угол, убедись, что нас не видят, и пулей в ванную. С закрытыми глазами, как в прошлый раз. Понял? До двери можешь смотреть, а через дверь – с закрытыми!

Но я не успел даже выглянуть за угол: в прихожей снова звонок. Я ощутил движение воздуха, хозяйка промелькнула мимо кухни. Крысиные когти вцепились мне в спину, как клещи, но возмутиться вслух нельзя. Слежу из-за дверного косяка, женщина отпирает замок.

– А вот и мы! – сказала за порогом старушка.

На руках держит маленькую девочку, годика три, не больше.

– Тя-тя! – воскликнула мелкая.

Хозяйка чуть не растаяла.

– Ути, кто у нас тут...

Взяла девочку на руки, а я, проверив, что из гостиной нет свидетелей, скользнул к полумраку за приоткрытой дверью ванной. Хозяйка к нам спиной, бабка никак не налюбуется девочкой. А вот последняя уложила голову на плечо женщины, сунула палец в рот...

И увидела меня.

Я закрыл глаза, лапы бросили тело за дверь.

Морда врезалась в мягкое, меня отпружило, когти вцепились тоже в мягкое, я открыл глаза.

Диван.

Откуда в ванной диван? Я ожидал попасть в царство кафеля и керамики. Но никакая это не ванная...

И вообще не та квартира.

На широком сером диване распластался и дрыхнет лысый мужик с недельной щетиной. От него разносится перегар. Храп такой, что тараканы, наверное, массово вешаются. А этих усатых здесь, судя по всему, в избытке. Холостяцкая берлога хронического алкоголика. Бардак эпичный!

Ластик спрыгнул с моего горба мужику на грудь. Тот не шелохнулся, храпит как трактор.

– Можно не шептаться, – говорит в полный голос, – баяном не разбудишь.

– Мы сбежали?

– Как видишь.

– Но нас заметила девочка...

– Мелкая совсем. Про логику и здравый смысл пока не в курсе. Скорее всего, нас вообще забудет. Если уже не забыла... Маленьких детей перемир не боится. И пьяниц тоже. Но только если пьяный в стельку. Такой спишет любую дичь на зеленого змия. А на утро и вовсе не вспомнит. Та же история с наркоманами и шизофрениками.

– Да уж, обрадовал... Либо сопливые карапузы, либо маргиналы. Вот и все кандидаты в друзья.

– Не сгущай краски. Ты забываешь о коренных перемирцах. Вроде меня.

– Или той рыжей, которая меня спасла. С ней я не отказался бы подружиться... А еще с этой колбаской.

Это я произнес уже на кухне, забравшись на стол. Кроме почти пустой бутылки водки, здесь полным-полно закуски. Копченая колбаса, сыр, хлеб, вскрытая банка красной икры, нарезанная колечками селедка...

Поддаться бы зову желудка, но свежа память о пустоте, которая откусила от моего брюха кусок такой же сочный, как и пиршество, что я устроил в прежней квартире.

Ластик без колебаний зарылся носом в банку с икрой.

– Налегай, – доносится оттуда, – теперь можно. Хоть все подчистую.

Я исполнил волю сэнсэя незамедлительно!

Однако после первого же кружочка колбасы начало зудеть любопытство.

– А что было не так в прошлый раз? – спросил я в промежутке между чавканьем.

Ластик вертит в лапках оранжевую жемчужину икринки. Смотрит в нее, как гадалка в шар предсказаний.

– У людей надо брать столько, чтобы не заметили пропажу. А если заметили, то смогли найти здоровое, с их точки зрения, объяснение. Иначе... перемир возвращает все, как было. Ему проще отмотать назад, чем терпеть боль.

– Боль?

– Когда человек ищет объяснение, перемиру больно. Для него логика – как сверло дантиста. Чем быстрее находится объяснение, тем лучше. Не имеет значения, верно ли объяснение на самом деле, главное – человек в него поверил, успокоился, прекратил «сверлить». Но если объяснение найти не удастся, человек паникует, злится, дрель набирает обороты, проникает глубже, в десну, в нерв...

– Не продолжай! – взмолился я.

У меня шерсть дыбом от таких сравнений, я почесал нижнюю челюсть о край деревянной разделочной доски. Меня к стоматологу не загонишь и пистолетом. В горящий дом зайти проще...

– Я уже понял, – заверяю, – для перемира логика – это сверло... Сверлогика!

– Подмечено метко, – оценил Ластик, кивнув. Затем продолжил: – В общем, когда здравый смысл буксует, искрит, дымится от того, что за гранью понимания, перемиру приходится несладко. Ты еще легко отделался. Вот если бы женщина заглянула на кухню, когда мы были на столе...

– То что?

– Объяснить, как у нее дома оказались кот и крыса, она вряд ли бы смогла. Поэтому нас бы не увидела. Мы бы исчезли.

У меня внутри похолодело.

– Куда?

– Куда угодно. Нас бы вышвырнуло через перемир. Но ты еще не умеешь прыгать куда-то конкретно, запросто мог бы оказаться, например, замурованным в скале. Или на дне океана. Да хоть в космосе!

– Ого!.. Так значит... перемир взял из меня то, что я съел, и... починил еду?

– Верно. Еще и бокал склеил.

– Слушай... А если бы у женщины были дети?

– Тогда у тебя был бы шанс набить пузо без последствий. Хотя подставил бы ни в чем не повинных деток, но версию, что кухню разорили они, мозг дамочки вполне бы усвоил. Правда, озадачились бы мозги детей. Они ведь точно знали бы, что не при делах. Но если дети были бы еще не смышленные, как та девочка...

– Или мать подстроила, чтобы свалить на детей и наказать...

– Ну, это очень уж специфический случай. Чтобы дети пришли к такому выводу, подобное должно быть в семье нормой. Где ты видел таких матерей?

На несколько секунд у меня перехватило дыхание, начал подергиваться хвост. Губы скривились, удерживаю желание зарычать.

– Я с такой рос.

Даже аппетит пропал. Я отвернулся к окну, там синее небо впитывает, как губка, апельсиновые остатки вечера. В углу мурлычет холодильник. Моргает зелеными глазами двоеточие между часами и минутами на табло электронных часов. Кажется, время свернулось калачом, задремало, но на самом деле продолжает шаг за шагом красться, прячась в тенях, как я теперь вынужден прятаться от людей.

Я помню, мать сейчас в плену Седого. Жанна тоже. И одна часть меня злорадствует, так им и надо, столько крови мне попортили... Но другая часть пытается меня завиноватить, мол, они же не чужие, с ними есть и хорошие моменты, остальным на меня вообще плевать... Но в любом случае необходимо навеститься к Седому: у него ошейник, способный вернуть мне человеческий облик.

А еще... очень хотелось бы сделать то, что запретила моя рыжеволосая спасительница.

Найти ее.

Но сперва нужно научиться прыгать через перемир.

Я не стал тянуть себя за хвост и спросил:

– Так как же прыгать через перемир туда, куда мне хочется?

Ластик, прожевав кусочек сыра, ответил:

– Нужно ясно вообразить место, куда хочешь прыгнуть.

– И все?

– Погоди... Звучит вроде бы просто, но на деле... Ты пробовал хоть раз представить что-то с детальной точностью?

Я задумался.

Такое бывает разве что во сне. Отличить сон от реальности и впрямь трудно, пока не проснешься. Однако картинками, что сменяют друг друга в сновидениях, крайне редко удается

управлять, чередуются спонтанно, без сюжета. А вот чтобы наяву – закрыть глаза и представить, как в жизни...

– Ну-у-у... Если честно, не помню. Может, и пробовал, но...

– Именно, что но! Пошли.

– Куда?

Ластик спрыгнул на пол, оглянулся с порога кухни.

– Учиться.

Даймен

Это оказалось проще, чем я ожидал.

Но проще – не значит легче.

Нужно было лишь повторить сотню неудачных попыток под присмотром мастера. Неумело, грубо, но с упрямством осла. До первой удачи. Зато потом – как по маслу. То же, что с велосипедом: падаешь, падаешь, падаешь, но вот, наконец, поймал равновесие... и жизнь разделилась на «до» и «после». Теперь навык с тобой до самой смерти.

Однако наличие мастера сильно ускорило процесс. Если бы не Ластик, я бы плюнул на все с трех-четырех провалов. Но когда пинают под зад (в моем случае – кусают за ухо), висят над душой, не дают покоя... Честно сказать, мой учитель из крысиного племени здорово рисковал. Когда я уже потерял счет количеству запоротых прыжков через этот проклятый перемир, вся моя ненависть была направлена на мелкого лысохвоста, который никак не отставал.

«Еще раз».

«Да ты издеваешься! Видишь, не получается, я безнадежен!»

«Я сказал, еще!»

«Кажется, я понял, за что тебя вспороли...»

Но Ласт был неумолим. Даже Ластиком его называть теперь как-то неудобно. А ведь казался робким тихоней, когда я нашел его под баками. Разительные перемены, однако. Спокойный и твердый учитель Сплинтер, не иначе. А я тупил как черепашка, из которой никак не получался ниндзя.

Я и не думал, что попытка номер черт знает какой увенчается успехом. Сделал, как говорится, на расслабоне. Просто устал, а отдохнуть не давали. Потому мысленно махнул рукой (вернее, лапой) и прыгнул, мягко выражаясь, «на отцепись». Лишь бы как бы.

И вдруг – оказался именно там, где и задумывал!

Скверик во внутреннем дворе какой-то муниципальной организации. Ажурная решетка ограды, увитая плющом. За ней шумит улица. Пара скамеек в тени деревьев...

И фонтан у стены.

Полукруг его бассейна выложен плитам с отделкой под старину, вода льется параллельными лучиками из каменной руки. Точнее, из каменных часов, которые рука держит. Она торчит из стены, а часы в ладони складные, как раковина устрицы, такие носили на цепочках лет сто назад. «Раковина» раскрыта, ключик бьет из циферблата, кисть сверкает огибающими ее ручейками, бассейн наполняется пеной, а мои уши – уютным журчанием.

Время утекает сквозь пальцы.

Странно, что мне удалось прыгнуть именно сюда. Я ведь был здесь единственный раз в жизни. Мы с Маришкой ели тут черешню... Это было задолго до Жанны. Так давно, что меня накрыло светлой тоской. Хорошо, что сейчас раннее утро, скверик пуст, прятаться не нужно.

– Отличный маякорь, – сказал Ласт. – Приметный.

– Ты о чем?

– О фонтане.

– А почему он... – Я осекся, а затем уточнил: – Как ты его назвал?

– Маякорь, – повторил крыс.

– Что это?

Он снова залез мне на спину.

– Сейчас покажу. Теперь порую я, позволишь? Не думай ни о чем. Вперед!

Я запрыгнул на спинку скамейки, пробежал по ней, как по канату, до края и сиганул вниз головой в урну – в черное брюхо мусорного пакета. Вполне себе дыра в неизвестность.

Сперва не понял, где очутился. Но оглядевшись, узнал... кузов «газели», откуда начались наши с Ластом мистические прыжки! Мы на вершине знакомой мне пирамиды из коробок и ящичков. Раньше мы не возвращались в места, откуда исчезали. Этот случай первый.

Ласт подполз к краю коробки, на которой мы находимся.

– Видишь бочку?

Смотрит в угол кузова, там, в тени, притаился бочонок, я сразу узнал. Нарисованная на деревянном пузе пчела все так же тарашится веселыми глазищами.

– Это маякорь, – говорит Ласт, – благодаря нему я и смог вернуть нас сюда.

Он повернулся ко мне и продолжил:

– Маякорь – это что-то необычное. Предмет или деталь окружения. Что легко запомнить и вспомнить. Желательно, чтобы это было что-то уникальное. Такое, что больше нигде не встретишь. Только там, куда хочешь прыгнуть. Такой маякорь – гарантия удачного прыжка.

Я призадумался.

– А если в моей квартире, например, нет ничего примечательного, но помню все вещи, где что расставлено?

– Тогда будь готов к тому, – отвечает Ласт, – что тебя может забросить в любую другую квартиру с похожим интерьером.

Он снова забрался мне на спину.

– А теперь, Риф, верни нас в тот скверик.

И я вернулся. Это действительно оказалось очень просто. Каменная рука с часами, а за ней и все остальное всплыло перед внутренним взором само, стоило лишь закрыть глаза в полете с вершины коробочной пирамиды. Даже не помню, в какую сторону прыгнул. Куда-то наугад. И бултыхнулся прямиком в фонтан!

В сквере по-прежнему никого. Если не считать мокрого кота и мокрой крысы. Но мы быстро обсохли на утреннем солнышке. Даже очень быстро.

А затем я совершал прыжки в самые разные уголки города. В том числе, в какие-то квартиры. Ласт настоял, что нужно закрепить это ощущение. Он по-прежнему страхует, сидя на моей спине, но теперь нашими перемещениями дирижирую только я. Иногда успешно, иногда не очень. Но откровенных промахов больше нет. Тело запомнило, как должно себя чувствовать, когда прыгаешь туда, куда надо.

Нас занесло в торговый центр. Я часто бывал здесь. В это время он еще закрыт, коридоры пустые, нарваться на чужие взгляды не опасюсь.

– Не самое безопасное место, – сказал Ласт.

– Еще рано, – заверил я, – тут сейчас ни души.

– Нас видят камеры.

Не успел я поднять морду, как ощутил... Не знаю, как описать, длилось долю секунды. Больше всего похоже на порыв ветра. Хотя откуда ветер внутри запертого торгового центра? Тем не менее, нас «сдуло» куда-то во тьму, а спустя миг я вновь могу видеть, и у меня шерсть дыбом.

Мое звериное нутро сообщило, что мы оказались там, где ни люди, ни коты, ни прочие живые находиться не должны. Под нами зыбкая каменистая земля, вокруг железные стены с шипами, и мы в тени этих стен. Вокруг гудит и дрожит. Мы внутри какого-то механизма, и он движется, вращается, еще чуть-чуть – и земля, в которой вязнут лапы, окажется над нами, похоронит заживо.

Но еще пару секунд над головой будет чистое небо, умное кошачье тело поняло раньше, чем мозг, рвануло к стене. Крыс вцепился мне в горб, как капкан, меня пружиной подбросило, я пролез между железными шипами...

Все случилось так быстро! Будь я человеком, даже понять бы ничего не успел.

Опасность все еще рядом, но уже не грозит. Наблюдаем ее очень близко, но со стороны.

Перед нами вращается гигантское колесо, похожее на чертово. Только гораздо быстрее, а вместо кабинок для туристов – ковши, как у экскаваторов, но здесь каждый ковш размером с сам экскаватор! И вся эта громада крутится, будто циркулярная пила, а мы смотрим, сидя на кожухе механизма, он приводит стального монстра в движение. Колесо «пилит» склон кратера. Такая яма, наверное, видна из космоса, как кратеры на Луне. Она, кстати, хоть уже утро, еще висит в небе бледным полукольцом. Ковши всплывают из тени над нами, будто горы, их обдает желтым блеском утреннего света, и они ныряют обратно во тьму, обрушивая землю на конвейер, тот уносит ее в центр кратера, к голове-кабине на гусеницах.

Машина и кратер вместе напоминают циферблат космических часов. Кабина в центре медленно поворачивает «стрелку» конвейера, пока на конце этой «стрелки» чавкает жадное колесо с ковшами.

– Это самая большая горнодобывающая машина в мире, – сказал Ласт.

Он уже слез с меня, сидит рядом, острая мордочка задрана вверх.

– Впечатляет! – признался я.

– Извини, я промахнулся. Спасибо, что вытащил! Мы должны были сразу оказаться здесь, рядом с колесом, а не в ковше. Обычно попадаю. Но раньше никого с собой не приводил. Твои мысли привнесли небольшие помехи.

– Так это ты перенес нас?

– Пришлось. Я прыгаю сюда, когда есть угроза, но нет времени на раздумья. Это мое... укромное место. Оно вспоминается быстрее прочих, на рефлексе.

– А что нам грозило в торговом центре?

– Ты разве не почуял? Перемир выбросил нас.

– Ветер?

– Да. Никакого ветра, конечно, не было, но ощущается именно так. Скорее всего, охранник засек по камерам. Увидел крысу верхом на коте, и его убогий мозг не смог найти объяснение. Теперь будет думать, что померещилось. Благо, перемир вышвырнул нас почти сразу. А швырнуть может куда угодно. На дно океана, в скалу, под поезд... Если не поймать момент, рискуешь улететь в один конец.

До меня лишь сейчас дошло, что слышу его речь отчетливо. А ведь не должен. Мы на гигантской машине, грохочет оркестр моторов, камни рвутся, тонны породы обрушиваются на конвейер. Я не должен слышать даже свой голос. Гул исполинского агрегата пробирает до дрожи, но желание закрыть уши не вызывает. И не мешает слышать спокойный голос Ласта. Как будто мы под невидимым куполом.

– Машина и впрямь заглушает другие звуки, – говорит крыс, – но я огородил нас от шума.

– Ты еще и мысли читать умеешь?

– Бывает... Здесь я умею всякое, от случая к случаю. Видишь ли, это место – мой даймен. Наверное, один из самых сильных.

Даймен... Где-то я уже слышал это слово...

Ах, ну да! На крыше. Его употребила смуглая азиатка, после того как от нее ускользнула в перемир моя рыжая спасительница. А потом я и сам едва унес лапы. Не в перемир, а так, по старинке. И как только сбежал, ума не приложу!

Крысиный хвост изогнулся полукольцом в развороте, серая усатая стрелка мордочки теперь обращена ко мне.

– Даймен, – заговорил Ласт, – это место, с которым тебя связывают светлые воспоминания. Где с тобой произошло что-то хорошее. Такое место делает сильнее.

– В каком смысле... сильнее?

– Людям дает только душевный подъем, а вот нам, детям перемира... В даймене можно стать сильнее буквально. Можно стать быстрее, ловчее. Летать, проходить сквозь стены, под-

жигать взглядом, что угодно... Часто и не знаешь, на что способен в даймене. На каждого его место действует по-своему.

– Пряма какая-то магия.

– Верно... Да ты и сам успел поколдовать в своем даймене.

– Я?

– Тот скверик, куда ты сделал первый прыжок сам... твой даймен. Забыл, как быстро мы обсохли после фонтана?

Я задумался.

– Да, тоже показалось, что быстро. Но я думал, солнце...

– Было раннее утро, солнце еще толком не грело. А мы были мокрые насквозь. Но ты хотел, чтобы мы высохли, и даймен тебя услышал... Вот только все эти чудеса можешь совершать, пока ты в даймене. Стоит его покинуть, и...

– Понял.

– Надеюсь. Важно, чтобы ты усвоил. Если тебя припечет с кем-нибудь подраться, лучший способ победить – заманить противника в свой даймен. И уж точно никогда – слышишь, никогда! – не дерись с врагом в его месте. Это может стоить тебе жизни.

– А как узнать чужой даймен?

– В том-то и дело... У нас не принято рассказывать о дайменах друг друга. Каждый старается держать свои места в секрете. Но ты меня спас. Так что знать один мой даймен заслуживаешь. Да и я теперь знаю твой.

Мы помолчали, глядя на хоровод ковшей, после чего я сделал вслух вывод:

– Да уж... Думал, попал в райскую жизнь, а выходит, и в раю есть ловушки, которые надо избегать.

– Ловушек у нас хватает. Можно, например, попасть в перешторм.

– А это что?

– Такое перемирное явление. Никто не знает, из-за чего оно случается, но известно, что жертвами перешторма становятся те, у кого очень много дайменов. Этим бедняг начинает неуправляемо швырять из даймена в даймен. И скорость прыжков возрастает. Они становятся столь быстрыми, что угодивший в перешторм начинает быть во всех дайменах одновременно и, в конце концов, в них растворяется. Исчезает бесследно...

С ковшей сыплется земля. Нас каким-то образом облетает стороной, наверное, Ласт тому причина, но кожух вокруг усыпан зернами породы. Те дрожат, пронизанные вибрацией, а в лучах полумрака клубится пылевой туман. И в этом буром дыму над нами проплывает дуга железных ртов, они срыгивают тонны земли куда-то во мглу, сами в ней исчезают, но возникают новые, и гудящий круговорот ртов, повторяясь вновь и вновь, вязнет в вечности, как в смоле. Гляжу зачарованно, и кажется, что это пожирание планеты началось когда-то в древности. Пройдет тысяча лет, человечество сгинет, а колесо ковшей будет так же вращаться во мгле, как небесное тело...

– Как такое место вообще стало твоим дайменом? – спросил я, не в силах оторвать взгляд. Ласт ответил не сразу:

– По наследству.

Наверное, тоже созерцает. Затем пояснил:

– Отец часто приводил сюда. Это его даймен.

Впитывая этот грандиозный пейзаж, ощущаю, как во мне что-то меняется. Становлюсь... легче, что ли? Дошло, наконец, насколько круто повернулось колесо судьбы. Какую огромную степень свободы я обрел. Теперь могу быть где угодно... Где только смогу вообразить! На фоне этого разрыв с любимой женщиной, отчисление, убийство мажора, жажда мести его папаша, розыск и вообще моя непутевая старая жизнь, – теперь все кажется глупой суетой.

Меня отпустило.

Некая пуговина с прежним мной оборвалась, и стало спокойно... Будто заново родился. Даже не я, а кто-то другой в моем теле.

– Значит, – говорю, – теперь знаю, где тебя искать.

– Да, – подтверждает Ласт, не отвлекаясь от колеса, – я навещаю это место время от времени.

– Не против, если отлучусь кое-куда?

Крыс и бровью не повел. Вернее, усом.

– Конечно.

И я исчез.

Чтобы появиться в другом месте.

Тот, кто родился вместо меня, понял, что не нужно даже куда-то прыгать. Достаточно просто закрыть глаза.

Не уверен, что удастся очутиться именно там, куда задумал. Точнее, стало плевать, там я окажусь или нет. Если там – хорошо. Если нет... Что ж, может, «не там» окажется куда более интересным.

Но я появился там.

Что-то шепнуло, что я не ошибся. Маякорем этого маршрута стал ремешок дедовых часов, из которых рыжая незнакомка сделала мне ошейник. Я воскресил в памяти царапины, потертости, каждую деталь... И образ дорогой мне вещицы привел, куда нужно.

В логово Седого.

Потому что память, помимо всего прочего, хранит и то, что у него в плену моя мать и моя бывшая девушка. Им грозит жестокая расправа. Вряд ли Седой смирится, что убийца его отпрыска ушел от наказания. Не могу похвастаться тем, что душа горит за жизни этих женщин. Но и сказать, что они мне безразличны, тоже было бы далеко от истины. Они мое какое-никакое, а все-таки прошлое. В конце концов, угодили в передрагу из-за меня.

Нужно просто вернуть долг, не больше и не меньше.

Да и... кого я обманываю! Сердце – дурацкий мешок, родных и близких из него просто так не вытряхнешь, даже если те причинили боль.

Но кое в чем я все же ошибся. Еще как!

Я думал, это будет квест на скрытность, где предстоит проскальзывать мимо здоровенных вооруженных секьюрити в пиджаках, обходить зоркие зрачки видеокамер, прятаться под мебелью, воровать ключи, преодолевая одну дверь за другой на пути к тому самому подвалу, которым так страшил Седой...

Чего я не ждал, так это того, что перемир доставит к конечной цели сразу.

Ремешок, который я так старательно собрал из кусочков в голове, – прямо перед моим кошачьим носом! Притаился, как в пещере, в кармане черного пальто, что валяется на ковре, рядом с двуспальной кроватью.

Я тут же схватил ремешок зубами.

Вокруг раскидана и другая одежда, не только мужская. Лифчик, трусики... Рядом со мной – опрокинутая бутылка из темного стекла, ноздри обжигает винный запах.

Ритмичный скрип.

Женские стоны. И вовсе не от боли...

Тело Седого в старческих пигментных пятнах и родинках распласталось на облаке постельного белья. Лицо оседлала Жанна. Спина и ягодицы, изгибаясь, движутся вперед-назад, соски подпрыгивают, глаза закрыты. Красные когти отводят локон с мокрого лба. Закусив губу, подвывает сладко.

А напротив нее скачет вверх-вниз вторая, гораздо старше. Не сдерживается, орет как дикое животное. Вся сверкает от капель, даже края чулок пропитались.

Ее тоже знаю.

Хотел бы не знать. Голова загудела, словно вознамерилась экстренно взорваться, избавиться от мерзкого знания...

Я отвернулся.

Нужно как-то действовать, но меня переключило. Не могу пошевелиться. Взгляд уперся в этикетку на бутылке вина, там нарисован черно-оранжевый пляж: тени пальм, скал, чаек, и все на фоне заката... Смотрю на это, а череп стиснут с двух сторон тошнотворными криками вперемешку со смехом. Челюсти прокусили ремешок, по нему течет слюна, но разжать не могу, как не смог бы разжать рулон медицинской марли, если бы меня оперировали без наркоза.

В ушах зазвенело.

Я прижал их лапами к голове, зажмурился.

Меня подхватила, закружила вязкая и душная невесомость. Я отдался ей целиком, лишь бы больше не слышать то, что слышал, не помнить, что видел. Темнота постепенно наполняется прохладной, начинает ощущаться простор. Челюсти наконец-то разжались. Уже не кручусь, а лечу в каком-то направлении...

Вниз!

Перед глазами возник мокрый песок, пористый, как поверхность свежего кекса, блестит изюм камушков. И в это песочное тесто упираются мои – человеческие! – ладони. Пальцы и колени утонули в зернистом холодке, уши затопил шум моря.

Меня, наконец, вырвало.

Я сплюнул, а потом услышал рокот прибоя. Нахлынуло белое полотно пены, унесло рвотные массы куда-то под ноги, дальше на берег, меня наполнил свежий воздух и шипение лопающихся пузырьков...

И мне вдруг стало легко.

Больше не испытываю к тем двум женщинам ни любви, ни ненависти. В конце концов, они живы, никого спасать не нужно. И чувствуют себя очень даже хорошо. Что ж... Подобное нашло подобное. Все довольны, а обо мне пусть забудут. Теперь эти люди мне чужие. И вообще не интересны.

Голый, я поднялся с колен.

Слева вдалеке торчит семейка пальм, за ними мощный утес, выщербленные зубья рифов, все выкрашено огненными красками заката, где-то мерцают радостные кличи морских птиц. Понятия не имею, что это за пляж, в какой стране, да это и не имеет значения.

Спина распрямилась, руки в стороны. Бриз облизывает тело, закрываю глаза, отдаюсь единению с этими потоками, чувствую всей кожей, каждым волоском. Затем привстаю на цыпочки и медленно... падаю ничком.

А приземляюсь уже на лапы.

Жизнь без забот

Есть мнение, что человеком движут три базовых инстинкта – еда, размножение и доминантность. Иными словами, деньги, секс и выпендрей. Именно ради утоления этих трех потребностей мы пашем на работе, ввязываемся в авантюры, изобретаем, строим, воруем и так далее.

Видимо, мне придется выдумать четвертую. Первые три перемир насытил уже через неделю.

Для меня теперь открыты миллиарды квартир. Почти в каждой есть пища. И пока хозяев нет дома, я там – царь и бог! Только стараюсь избегать чересчур богатые жилища (видеокамеры, сигнализации) и чересчур бедные. В последних сложно стащить что-либо так, чтобы осталось незамеченным. Да и стыдно объедать и без того недоедающих.

Главное, не взять лишнего, навести за собой порядок, а как только из прихожей донесется скрежет ключа, ворочающего дверной замок, – превратиться в кота и улизнуть через перемир.

С женщинами тоже проблем нет.

Достаточно оказаться вечером или ночью в квартире одинокой домохозяйки, без детей и питомцев. Спрятаться где-нибудь, например, под диваном, и ждать, когда уснет. А потом превратиться в человеческую версию себя и... можно приступить.

Они, конечно, просыпаются, но сонные, растерянные. Пока до мозга дойдет, что происходит, тело от ласк и объятий уже сомлевшее, гормоны пошли в кровь, биохимия берет свое. В этот момент они похожи на кошек: не ломают голову, как так получилось, а отдаются потоку ощущений. А утром что-нибудь придумают. Мало ли, сон эротический. Или домовый. Благо, женщины верят во всякую эзотерику. Хотя кто знает, может, сказки про домовых и возникли когда-то из-за таких, как я.

Разве что похвастаться всем этим не могу. Нельзя.

Превратиться из кота в человека на глазах какой-нибудь красотки не получится. Перемир не позволит. Правда, я думал схитрить. Если та же красотка увидит, как за дверью, к примеру, туалета спрячется кот, а выйдет человек, то ее мозг будет вынужден признать очевидное.

– Не вздумай такое вытворять, – сказал Ласт, когда я поделился с ним этой идеей.

– А что случится?

– Можешь сгореть.

– Как это?

– Исчезнуть без следа. Люди разные бывают. Некоторые настолько... твердые, их мысли как колючая проволока. Перемиру проще стереть тебя из реальности, чем бороться с попытками такого человека объяснить невозможное.

– Ну, женщины более легкомысленные, – успокоил я. Скорее себя, чем чего. – Это уж если нарвусь на пожилого профессора.

– Не рискуй, Риф.

– Согласен, не буду. Но это крайний случай, верно? Могут быть и другие исходы...

– Ну, тебя может просто вышвырнуть через перемир в другое место, как обычно бывает, женщина потеряет сознание, а когда придет в себя, подумает, что померещилось. А может ничего не случится. Она решит, что ты вор или маньяк, проник в ее квартиру и прятался в туалете. Тогда готовься уклоняться от летящей посуды и зажимать уши, будет много крика. Ну, а в самом благоприятном варианте, крайне редко, но все же... Она не удивится и не возмутится. Не станет гадать, откуда ты взялся. Просто улыбнется и предложит кофе. Такой человек создан для перемира.

– Эх, здорово встретить такую. Только не знаю, как научить ее превращаться в кошку.

– Вот именно. Покажешь ворота в рай, а ключи не дашь. Свинство! Уж лучше пусть живет в неведенье.

– Кстати, а почему мы можем творить чудеса только в облике животных? Я пробовал прыгнуть в перемир человеком, не выходит.

– Ну, кто-то умеет. Это приходит с опытом... Но в основном – да, путешествовать через перемир лучше в животном облики. У зверя или птицы мозг проще. Ни до чего не допытывается. Принимает все как есть. Перемир таких любит. До сих пор не понимаю, как он впустил тебя с этой твоей... э-э, сверлогикой! Ты даже котом умудряешься задавать вопросы. И меня склоняешь к ответам.

Таковыми беседами мы с Ластом коротали время в моем новом пристанище. На той самой крыше, откуда рыжая ускользнула из лап черной кошки и смуглой азиатки в одном флаконе, а также ее чудовищной рептилии.

Найти это место я сумел далеко не сразу. В качестве маякорей использовал груды металлолома в углу и ругательное словечко на ограждении, но этого оказалось мало. Перемир кидал меня на какие-то другие верхушки, выяснилось, что под небом полным-полно крыш, где хранят строительный мусор и метят парапет неприличной лексикой. Позже вспомнил, азиатка успела поцарапать рыжую кинжалом, на бетоне должна была остаться кровь. Я добавил в череду маякорей засохшие темные кляксы, надеясь, что еще не смыло дождем. Правда, и в этом случае перемир приводил к разлитому маслу, пятнам красной эмали и прочему левому...

А затем я вспомнил кинжал! Азиатка метнула мне вслед, в раскрытую дверь пристройки, клинок вошел в стену над лестницей. Конечно, вполне могло быть, что азиатка за ним вернулась. Или нашел кто-то другой, например, электрик.

Но мне повезло.

Красивая сталь с зубцами торчала там же.

Я перепрягал трофей под какую-то ржавую железяку из кучи металла в углу крыши. Не исключено, что хозяйка вернется-таки за своим имуществом. Отдых здесь чреват повтором нашей встречи, которую могу и не пережить. Не знаю, что они с рыжей не поделили, но азиатка ненавидит ее так сильно, что готова расправиться даже с теми, кто имел с рыжей какое-то дело.

– Не боишься? – спросил Ласт.

– Она бы уже давно вернулась. Наверное, у нее много таких ножей.

– Да пес с ним, с ножом. Она может ждать здесь ту девушку, которая превратила тебя в кота. Ты говорил, тут ее даймен.

– Я тоже...

– Что «тоже?»

– Жду ее.

Крыс не нашел что ответить.

Мы оседлали надстройку, то место, где я чуть больше недели назад впервые увидел черную кошку. Ветерок треплет нашу шерсть. Под нами дверь, крыша, а еще ниже – город, объятый серыми сумерками. Конечно, у нас не самое высокое здание, но отсюда даже самые приметные высотки кажутся крошечными.

Жуем шашлык.

Каждый день учусь протаскивать через перемир что-то, кроме себя самого. Поначалу предметы были маленькие, но амбиции растут, замахиваюсь на все большие габариты, и вот, полчаса назад, очередной рекорд – пронес в зубах шампур с пятью крупными румяными кусками мяса. Еще теплый. С чьей-то свадьбы на даче. Еды и пьяных гостей столько, можно было даже не прятаться...

Шашлык мягкий, сочный, нос купается в ароматах лука и лимона. Ласт умял один кусок, а в меня влезли остальные четыре. Какой же я все-таки проглот! Может, в желудке – тоже перемир, и еда телепортируется куда-то еще?

После обеда мы вылизали лапы, а затем уселись там же, на берегу надстройки, уютно распушив шерсть и прижавшись боками. Мой хвост изогнулся, накрыл спину крыса. Смотрим, как полоска между городом и небом перекрашивается из медового в малиновый...

В какой-то момент Ласт задал вопрос:

– Ты в самом деле хочешь найти ту девушку?

– Да, – ответил я.

Если бы он спросил, зачем, ответить я бы затруднился. В самом деле, зачем? Просто сказать «спасибо»? Вряд ли. Я спас ее, она – меня. Сделка состоялась, никто никому не должен. Наверное, про меня уже забыла. Я лишь одно из тысяч событий в ее, готов спорить, далеко не скучной жизни. Умеет барышня цеплять на хвост приключения. По логике, на фиг я ей сдался. Но это по логике...

Можно, конечно, коротать дни и ночи под девизом «Акуна матата!», как в старом мультике. Жизнь без забот. Но... в чем-то я до сих пор человек. Человеку нужно к чему-то стремиться. К зарплате и прочему выживанию – уже нет, могу хоть сейчас провести вечер на яхте олигарха.

А стремиться надо к тому, что не доступно вот прямо сейчас, по щелчку.

Значит, буду искать ту рыженькую.

Просто чтобы искать.

– Карри...

Это прошептал крыс.

Я моргнул, шевельнулись уши, будто перископы, выныривая из мыслей.

– Что?

– Карри, – повторил Ласт громче. – Так ее зовут.

Меня аж подбросило, в следующий миг мы уже нос к носу. Прижавшись к бетону, всматриваюсь в крысиные глазки, как в замочную скважину.

– Ты ее знаешь?!

– Не знать ее трудно, – отвечает Ласт. – В перемирие они обе... можно сказать, легенды. Она и та, кто за ней гонится. Ее зовут Блика.

– Почему ты раньше не...

– На тебя и так свалилось много. Тебе нужно было освоиться, пожить спокойно. А не бежать по следу неприятностей. Которые будут точно, если ввяжешься в разборки тех двух женщин.

– Из-за чего они враждуют?

– Никто толком не знает. Карри убегает, Блика догоняет. Вот и все, что известно. Это длится очень давно...

– А почему они – легенды?

– Они очень сильны! Каждая по-своему... Связываться с ними боятся. Иногда, конечно, находятся безумцы, но они, как правило, никогда не сталкивались ни с первой, ни со второй. Только слышали. А как столкнутся – желание поохотиться на легенду пропадет сразу. Если останутся живы... Поверь, ты сбежал от Блики только потому, что она позволила. Просто играла с тобой.

– Ты сказал, каждая из них сильна по-своему. Чем именно?

Ласт задумался, глядя куда-то в сторону.

Затем не спеша подполз ко мне сбоку, забрался на спину, как раньше, когда учил меня прыгать сквозь пространство. Шея ощутила уколы его коготков. Я уже понял, он хочет проводить меня куда-то, поэтому не стал тратить время на расспросы, а просто спрыгнул с пристройки и закрыл глаза.

Приземлился, разумеется, не на крышу.

Мы в классе какой-то школы, на передней парте. За окнами густые сумерки, внутри тоже полумрак. И тишина... Класс пустой, дверь, скорее всего, заперта на ключ.

На учительском столе глобус. Не совсем обычный, напоминает арбуз, из которого вырезали дольку. Солидную такую дольку, ровно четверть. В разрезе три слоя: сверху тонкий красный, глубже толстый оранжевый, а в центре – ярко-желтая сердцевина.

– Блика способна практически на все, – говорит Ласт, слезая с моей спины. – Она может притянуть врага к себе, как магнит, одним лишь словом. Может разрубать когтями стальные прутья. Пробивать собственным телом стену, будто снаряд. Сжигать взглядом, метать молнии, не знаю...

Он подполз на край парты и, развернувшись, уставился на меня.

– Представь любую форму грубой силы и разрушения, не ошибешься. Блика сможет и это. Даже в чужих дайменах. Даже там, где раньше не была ни разу. Ее железная воля подминает реальность, перемир слушается Блику, как раб, выполняет самые жестокие, самые изощренные ее приказы. Никто не знает пределов могущества этой женщины...

Треугольник мордочки повернулся на глобус. Усы вновь зашевелились:

– Однако эти пределы все-таки есть.

Ласт перепрыгнул на лакированный остров стола. Пополз вокруг глобуса, взгляд черных бусин прикован к макету Земли, будто к головке сыра.

– Блика может все, – говорит крыс. – Но это «все» она может только... в верхнем слое.

Я тоже запрыгнул на стол.

– В верхнем?

– Да. В коре, в коже, зови как хочешь... Там, где сейчас мы. И нам подобные, почти все. В верхнем слое перемира. Спуститься глубже она не может.

Я снова взгляделся в слоеную внутренность глобуса. Тонкая красная скорлупа, под ней уходящая глубоко в тень оранжевая толща...

– А что там, глубже?

– Не знаю. Для нас мантия закрыта. Точно так же, как верхний слой закрыт для людей. Даже если кому-то удастся туда попасть... Выжить там, не сойти с ума и вернуться на верхний слой... почти невозможно. Мантия враждебна, как радиация. То, что творится там, за гранью нашего понимания. Лишь единицы могут чувствовать себя в нижнем слое как дома.

Ласт, наконец, оторвал взгляд от глобуса, перевел на меня.

– Например, твоя рыжая знакомая.

– Карри?!

– Может, она и не боец, но ей и не нужно. Попробуй изловить существо, которое может спрятаться там, где другие не выживут или вовсе никогда не окажутся. Смотрю, ты загрустил... Не унывай, Риф. Да, нам с тобой доступна лишь кора, но и здесь, в верхнем слое, перемир дарит кучу возможностей. Любой из двуногих душу бы продал, чтобы оказаться на твоём месте. Тот же старик в плаще, например, который тебя чуть не убил...

Мы вернулись на крышу.

Снова ветер начал теребить шерсть, под кожу забралась вечерняя прохлада. Это слегка отрезвило. Свет еще пылает над горизонтом. Мы улеглись на бетон, рядом с засохшими пятнами крови.

Одно из пятен напоминает годовые кольца дерева. Неровная окружность, внутри еще одно кольцо, чуть меньше, а в самом центре – бордовое пятно. Три слоя, как в том глобусе.

– Мантия, – произнес я задумчиво. Затем спросил: – А что же тогда в сердцевине?

Ласт поежился.

– Даже думать боюсь!

– Так-так, кот спутался с крысой...

Из-за спутниковой тарелки, грациозно ступая по бетонному ограждению, вышла кошка без шерсти. Кажется, такая порода называется сфинкс. Кошка уселась на парапете.

– Короткий шоколадный мех, желтые глаза, – продолжает она. – Бурманский, верно? В тебе кровь аристократа! Как тебя угораздило снюхаться с этим помойным отбросом?

– Ни капли достоинства, – прозвучал надменный мужской голос сзади.

На пристройке, где мы ели шашлык, теперь лежит кот. Такой же лысый. Но в отличие от светлой гладкокожей соплеменницы, его кожа темно-серая, в морщинах.

– Нам, детям перемира, дана свобода, – говорит он. – Свобода выбирать окружение. И гляньте, кого выбрал этот, с позволения сказать, кот...

В куче металлолома раздался грохот, затем оттуда же – вопль:

– Нашел!

Тоже мужской. Вернее, юношеский. Высокий и полный энергии. Но довольно мерзкий.

На гору металла взобрался еще один сфинкс. Ребра торчат, уши как локаторы, а хлыст хвоста удерживает над туловищем кинжал. Тот, что оставила Блика. Скрутив рукоятку, гибкая мышца покачивает оружие в воздухе, лезвие даже в сумерках бросает отсветы.

– Она в самом деле была здесь! – радуется обладатель сильного хвоста. – Леон будет доволен!

– А еще, – говорит кошка, – Леон не откажется выслушать показания этих отбросов. Они наверняка что-то знают.

– Ты в своем уме, Сабрина?! – возмутился морщинистый. – Ну ладно, бурого можно... Но крысу! Думаешь, Леон станет допрашивать еду? Я бы и жрать такое побрезговал! Одноразовая когтеточка, не более. У меня как раз когти затупились.

Троица стала нас окружать.

Я накрыл Ласти собой, его носик торчит из-под моего подбородка, брюхом чувствую, как крысиное тельце сжалось в каменный комок. Меня захлестнула злость, шерсть дыбом, на лапах расцвели венцы когтей, хвост мечется, как змея в агонии. Бросаю оскал в разные стороны, стараясь не упускать из виду всех трех.

Шипение!..

Как оказалось – мое.

– Гляньте-ка, – говорит кошка, – еще и драться хочет за эту крысу!

– Может, какой-то деликатес? – предполагает сморщенный. – Крыса, маринованная в кошачьей опеке? Ну, знаете, нянчишься с ней, бродишь вместе по разным местам, даже... извиняюсь, общаешься, а потом хоп!.. Мясо такой крысы обретает ни с чем не сравнимый привкус. Кто знает, может, перемир дал этому парню кулинарный талант.

– Давайте проверим! – предложил ушастый.

Скрученный его хвостом кинжал напоминает жало скорпиона. Вооруженный сфинкс медленно спускается с железного холма.

У подножия свалки я заметил ржавую трубу. Ее черное горло слишком узкое, чтобы туда смог пролезть кот. А вот кто поменьше...

– Ласт, беги!

Я повернул лапой его мордочку в сторону трубы.

– Живо!

Крыс выметнулся из-под меня, как из катапульты. Сфинкс прыгнул наперерез, но в полете его встретила моя лапа. Он взвыл, с морды на бетон брызнуло красным, а его самого развернуло почти на сто восемьдесят, острая сталь звякнула о крышу рядом со мной, лысый кот в обнимку с кинжалом прокатился кубарем мимо. А крысиный хвост, тем временем, исчез в трубе.

Меня схватили за шкуру.

Рукой!

Никому нельзя доверять

– Лишняя пара глаз на хвосте не помешала бы, верно? – с деланным сочувствием произнес тот, кто меня держит. Хватка, несмотря на худобу, у него крепкая.

Мне ничего не остается, кроме как брыкаться, шипеть и разглядывать «гота» лет тридцати в расстегнутой черной жилетке из кожи на голое тело и темных джинсах. Черные волосы чуть не достают до плеч. Жидкие, но ухоженные, частые гости парикмахера. Угольного оттенка губы потрескались в ухмылке, подведенные тушью глаза взирают искоса.

– Впрочем, это бы не сильно помогло, – добавил он. Еще и голос а-ля «Dereche Mode», под стать субкультурному имиджу.

– Ему уже ничто не поможет.

В поле моего зрения вошла блондинка со стрижкой «ежик», в светлой майке и голубых джинсах, которые не пощадила причудливая мода на дырки. Встав рядом с готом, она почесывает локоть и смотрит на меня со смесью равнодушия и брезгливости.

– Он мог сбежать сам, а вместо этого дал сбежать крысе. Такому и сама Сехмет не поможет. Он безнадежен.

Оставив в покое локоть, она принялась скрести ногтями колено. Я заметил, что кожа на локтях и коленях огрубевшая. Похоже, у нее псориаз.

– Дайте мне его пощекотать! – раздался позади противный голос.

Меня развернули, и передо мной возник лысый тощий тип. Они все костлявые, но это что-то с чем-то! Камуфляжные штаны на подтяжках. Под ними голый торс, и лучше бы этот скелет в кожаном мешке был прикрыт хотя бы футболкой. А так – ходячий памятник туберкулезу. Уши торчат выразительно, как и в кошачьей форме. Самый молодой из троицы, наверное, нет и восемнадцати. И самый мерзкий. Сгорбился надо мной, улыбка тупая, как у нарика под кайфом, на щеке сверкает мой кровавый автограф из трех линий.

Нож в кулаке поклевывает острием мое брюхо.

– Боишься щекотки, а, какашка крысячья? Хе-хе...

– Полегче, Хлест! – осадил гот. – Леону эту какашку еще допрашивать.

– Да ладно, язык отрезать не буду! Так, пузо чуток разукрашу...

Острие ткнуло сильнее, и мое тело дернулось, я взвыл, зашипел. На животе вспыхнуло горячее, под общий смех жжение растворяется в чем-то щекочущем.

– И вообще, – продолжает лопухий, – допрашивать можно и без лап... И без хвоста, хе-хе!

– Хлест, слушай, – вмешалась блондинка, – думаю, Мерлин прав, лапы и хвост могут подождать.

Скинхед простонал.

– Да Мерлин у нас вечно прав, Сабрина! Что теперь, отказывать себе в маленьких радостях?!

Блондинка перестала, наконец, чесать колено. Тут же начала карябать второе, при этом чесать другой, еще не чесанный локоть.

– Маленькие радости – это наше все! – заявила она, а потом добавила: – Зато против «разукрасить пузо» ничего не имею!

И засмеялась. Волна веселья подхватила и остальных. Кроме, разумеется, меня.

Меня захлестнула иная волна.

Я вдруг осознал, что оказался в роли той кошки, которую спас темным вечером под мостом. Вспомнил, как вез к ветеринару, вспомнил рыжую девушку, ходившую по квартире в моей клетчатой рубашке... А затем прилив тоски сменился багровым гневом. Я думал, что весь этот трэш, власть кирзового сапога, олицетворением которой был Седой с его ублюдоч-

ным сынком, остались навсегда в прошлом. Но и здесь, в новом мире, то же самое! Там ко мне домой нагрянули без приглашения верзила с автоматами, здесь, на крыше, куда я повадился возвращаться и уже начал считать этот островок Вселенной чем-то вроде тихой гавани, очутилась какая-то шайка сфинксов-садистов...

Да когда же эта грязь оставит меня в покое?!

Когда пырнули ножом в живот снова, я взревел и забрыкался с яростью, на какую только способен. Сквозь бурю собственного рева услышал вопли и стоны извергов, а спустя несколько секунд тот, кто меня держит, брызнул в морду каким-то вонючим спреем.

Его хватка ослабла, и я упал на бетон. И тоже вдруг ослаб, в глазах помутнело.

Мне бы пустить остатки сил на бегство, но загнипнотизировало страшное и одновременно вождеденное зрелище. Мучение моих мучителей.

Лопухий придурок орет во все горло, обе ладони прижаты к лицу, где я расцарапал, когда мы были еще в кошачьих личинах, но теперь крови оттуда хлещет столько, будто полоснул не кот, а тигр. Щека в лоскуты, красное льется на плечо, забрызгало полтуловища, и самое жуткое, что три борозды от когтей... растут! Края ран переползли через подбородок, рвут мясо на шее. Лысый малолетка мечется, как загнанная овца, будто от этого можно сбежать, блеет что-то похожее на «спасите», но никому до него нет дела.

У остальных и без него хватает проблем.

Блондинка села на корточки, в истерике расчесывает колени и локти, там бляшки стали белыми, покрылись трещинами, сквозь них сочатся бордовые ручейки, и, судя по крикам блондинки и измазанным кровью ногтям, зуд стал невыносимым.

Гот и вовсе упал, перекатывается с бока на бок, пальцы обеих рук вцепились в голову. Его трясет, желваки вздулись, сквозь зубы прорывается стон. Рядом валяется флакон с гадостью, которой он брызнул мне в морду.

Сейчас им не до меня.

Пока я за пределами их внимания, перемир впустит меня, и я улизну. Но для этого надо закрыть глаза. А я чувствую, что если закрою, дрянь из флакона вырубит меня окончательно. И так еле держусь. Но выбора нет. Эти трое меня добьют, когда снова про меня вспомнят. Сейчас были бы все шансы добить их самому – обернуться человеком, взять выроненный лысым кинжал и...

Но уже теряю сознание.

Отвернулся от агонизирующей троицы и зажмурился.

Перед этим, в самый последний миг, перед носом возникли кошачьи лапы без шерсти. Четвертый сфинкс? Он здесь с самого начала или появился только что? Я попытался открыть глаза, но меня, наконец, вырубил.

Снилось, как ни странно, что-то хорошее. После такого-то триллера наяву! Некая мозаика ностальгических образов, ядром которой была рыжая девушка с терпким именем Карри...

Очнулся в другом месте.

В каком-то замкнутом сумрачном пространстве. А еще здесь приятный шум текущей воды. Похоже на ручей или даже реку. Я в какой-то подземной пещере?.. Нет, стены и потолок прямоугольные, из кирпича и бетона.

Лежу тоже на чем-то ровном. Веки поднимаются и опускаются вязко, будто в киселе, детали окружения проступают через пелену неохотно.

Значит, мне удалось прыгнуть в перемир? Или...

– Вижу, уже очнулся, – заговорил кто-то спокойным голосом, – да, уши наострились, значит, слышишь... Позволь принести извинения за моих ребят. Они служат мне преданно, вот только кретины редкостные.

Речь сопровождали слегка елейные интонации.

– Ты Леон? – спросил я.

Я шкурой ощутил чью-то тень, что летит ко мне откуда-то сверху, и рядом со мной возник кот. У него, как я и думал, нет шерсти, зато есть – и это обескуражило так, что даже сонливость прошла! – одежда!

Сфинкс в темном плаще с воротником и поясом. И в круглых черных очках. Этаким Морфеус.

Хотя, конечно, невелико чудо, среди людей полно тех, кто одевает питомцев в специально пошитые для них вещи. Я только не думал, что среди котов могут быть модники, готовые носить шмотки и аксессуары по своей воле.

– Приятно знать, что ты обо мне слышал, – произнес сфинкс.

– Твои кретины о тебе все уши прожужжали.

– Я говорил, они преданны. Когда-то привел их в перемир, к неиссякаемому источнику свободы и вседозволенности, и эта самая вседозволенность до сих пор кружит им головы. Мнят себя аристократами, хотя были подобраны мной чуть ли не с помойки. Любят выпендриться, когда можно просто поговорить. Идиоты! Это ж надо было додуматься – напасть на кота в его даймене!

Он говорил с теми же подслащенными интонациями, похаживая из стороны в сторону. В финале этой речи подошел ко мне и, ухватив челюстями за загривок, помог встать.

– Могу я узнать твое имя? – спросил он.

– Риф, – представился я.

Меня штормило несколько секунд, но в итоге я обрел устойчивость. Туман перед глазами рассеялся, и я оглядел место, куда меня занесло. Или занесли?

Похоже, я в каком-то коллекторе.

Просторный кирпичный туннель уходит куда-то в темноту, а по другую сторону квадратная ниша с широкой трубой в стене. Из нее течет мерцающая бирюзовым светом вода, чистая, как кристалл. Заполняет бассейн в нише, а оттуда убегает по руслу туннеля во мрак.

– Это блажень, – говорит Леон, – так называется эта водичка. Мощное снотворное. Снимает боль и дарит прекрасные сновидения. В особо глубоком сне такими снами можно даже управлять. Построить из них целый мир!

Я подошел к кирпичному берегу реки, ноздри невольно втянули с журчащих волн запах родниковой свежести, и перед глазами опять поплыло. Шатаясь, попятился от воды.

– Не советую так делать, – говорит Леон, – этой водой Мерлин тебя усыпил. Здесь всюду ее пары, но ты уже придышался. Однако если будешь вот так нюхать или тем более пить, еще один крепкий сон гарантирован.

Я встряхнул головой.

– А откуда эта... блажень в канализации? Или это не канализация?

На потолке ниши я заметил узкий решетчатый люк. Сквозь прутья проникает сумрачный свет, слишком слабый для солнечного. Вряд ли там поверхность, скорее всего – еще один уровень катакомб. Такое чувство, что из темноты люка кто-то смотрит, но ничем эти подозрения подтвердить не могу...

– Под каким мы городом? – не унимаюсь я. – В какой стране?

– Извини, мне не резон разоблачать убежище. Да и зачем тебе? Ты попал сюда не через турагентство... И уйдешь так же, само собой.

– Это ты меня сюда затащил?

– Не только тебя.

Я проследовал за ним вдоль бассейна до стены, из которой торчит труба, и он указал хвостом на пространство за водопадом. Там еще одна ниша, узкая, но глубокая, в ней лежат три сфинкса. В одном я опознал того, кто тыкал в меня ножом: морда изуродована рваными ранами. Все трое дышат, но без сознания. Пол в нише затоплен, с ее потолка капает дождь, барабанит по лысым тушкам.

– Потрепал ты их знатно, – говорит Леон, не понять, то ли укоряет, то ли хвалит, – мне теперь чинить этих недоумков. Но блажень дает лишь анестезию. Максимум, что может – замедлить ущерб, но не устранить.

В моей голове вьются назойливо, словно комары, всякие непонятки. Смотрю, как зачарованный, на бирюзовые блики водопада.

– Откуда эта вода? Что превращает ее в блажень?

Леон засмеялся.

– Для кота слишком много вопросов. Между прочим, ты в курсе, – он оглянулся, лапа ювелирным хватом коготков чуть опустила очки, – что взгляд у тебя жгучий?

Я опешил.

– Эээ... Нет.

– Ну вот, знай.

Глаза Леона, такие же бирюзовые, как блажень, снова спрятались под черные стекла. Затем передние лапы надавили на один из кирпичей в стене, тот плавно отъехал внутрь. Щелчок, загудел механизм, из воды выползла лесенка шириной в один кирпич, от центра бассейна до трубы, откуда льется волшебная жидкость.

Но я все еще сбит с толку заявлением о «жгучести» моего взгляда, не придавал случившемуся особого значения. Просто последовал примеру Леона, когда тот перепрыгнул на лестницу и стал подниматься к трубе.

– И как это понимать? – окликнул я.

Меня опять покачивает. Испарений над мокрой лестницей больше, чем на берегу. Тем не менее, шагаю по влажным ступеням, как эквилибрист по канату, за хвостом, торчащим из-под складок кошачьего плаща.

– Так и понимай, – отвечает мой проводник. – Я и сейчас чувствую себя спичкой рядом с костром. Вот-вот вспыхну!.. Когда жар отпускает, я знаю, что в этот момент ты смотришь куда-то в другое место.

– Это шутка такая?

– Да куда уж... Думаю, мои ребята тоже ощутили. Возможно, это спровоцировало их агрессию. Напасть на тебя было тупейшим решением, а на тупые действия толкает животный страх. Тем более, вряд ли понимали, с чем имеют дело. В перемире они тоже недавно. Может, чуть дольше, чем ты. А ты ведь совсем новичок, верно?

– С чего ты взял?

Леон усмехнулся.

– Ну, я-то не новичок.

Мы уже идем по трубе.

Посередине тянется дорожка из кирпичей такой же ширины, как и лестница. Жидкий бирюзовый свет течет навстречу по бокам мостика, а мы шагаем куда-то в глубину каменного горла. Мне опять кажется, что на нас смотрят – из пустот в кладке, где нет кирпичей. Я озвучил-таки эту зудящую мысль.

– Не переживай, это мои парни. Следят за порядком, только и всего. В конце концов, сюда могут забрести незваные гости. Извини, что не сказал о соглядатаях сразу. Просто пока ты крутил головой в поисках слежки, я отдыхал от твоего... горячего внимания.

Я хмыкнул, но не нашел, что ответить. Вместо этого спросил:

– Так что очищает и заряжает эту воду?

Леон остановился, я чуть не уткнулся носом в его хвост, тоже замер.

Он вновь оглянулся, приподнял очки на несколько секунд, сказав с клыкастой улыбкой:

– Я.

И возобновил шествие.

Я ненадолго растерялся, пришлось догонять. Это чуть не стоило мне потери равновесия, дурман местной воды по-прежнему нарушает координацию, перед глазами замаячили шустрые бирюзовые ручейки, но я удержался. Снова иду почти впрытик, стараясь хранить невозмутимость, спросил:

– Как?

– Не знаю. Само получается. Блажень – это мой дар, такой же, как твое целительство. Кстати, на твоём брюхе ни следа от укулов, заметил?

– Нет, – признался я. – Забыл совсем. Не болит, и ладно.

– То-то и оно. Я бы попросил тебя помочь поставить на ноги, вернее, на лапы, тех троих, но толку не будет. Ты лечишь бессознательно. Только тех, кому симпатизируешь. Зато у тех, кого ненавидишь, усугубляются увечья и болезни, если таковые имеются. А те олухи сделали все возможное, чтобы ты их возненавидел. Придется тащить их в Бальзамиру. Вряд ли там обрадуются моему визиту... Что ж, придется потерпеть. Это единственное место, где их можно вылечить.

Мне следовало бы спросить, что такое Бальзамира, пока мой собеседник расположен отвечать, но языком завладела свежая злая память, и я поинтересовался:

– А с теми болванами есть смысл так нянчиться?

Не прекращая движения, Леон вздохнул.

– В мире, где никому нельзя доверять, – заговорил он серьезно, даже ставшие уже привычными елейные нотки вдруг исчезли, – превыше прочего ценится верность. Верным прощается даже глупость.

Воздух между нами будто наэлектризовался. Вроде бы Леон сказал не лишнюю смысла вещь, но что-то в его словах меня насторожило. Не пойму, что именно...

Я попытался сменить тему:

– А этот, как его... Мерлин! Что с ним не так? Я вроде не заметил у него каких-то проблем со здоровьем.

– Честно говоря, сам не знаю, – сказал Леон. В его голос вернулась приторность, и я расслабился. Леон продолжает: – Но подозреваю, что опухоль мозга в зачаточной фазе. Вернее, была в зачаточной. До инцидента на крыше парень был совершенно здоров. Так бы она проявилась через несколько лет, но ты в считанные секунды довел ее до терминальной стадии.

Мы вышли из трубы в просторное круглое помещение.

С потолка здесь, словно лианы, свисают цепи.

Надежный каменный пол только по периметру этого огромного колодца, основную же площадь занимает решетка, под ней бурлит бирюзовая вода, лопаются пузыри, громадный зарешеченный котел выпускает клубы пара.

Леон сразу направился, балансируя на прутьях решетки, к дальнему сектору зала, где возвышается массивный кирпичный трон, поросший мхом и грибами.

Последовать за Леоном я не решился. Концентрация испарений над решеткой такая, что их можно видеть невооруженным глазом. Если бы не вытяжка наверху, меня бы уже свалило, как бы я там ни придышался. Соваться в это облако – плохая затея. Лучше обойду по кирпичному ободу.

Стены похожи на пчелиные соты, только из кирпичей. Этажи «сот» тянутся почти до потолка, между ними торчат кирпичные карнизы, слишком узкие для человека, а для кошек – в самый раз. Каждая ячейка в этих «сотах» застеклена. Крадусь мимо стекол, пытаюсь разглядеть, что внутри. Одни ячейки кажутся пустыми, в других различаются предметы...

Локон черных волос.

Пусто.

Шнурок от обуви.

Серебристый кулон в виде ящерицы.

Обломок какой-то старой доски.

Пусто... Опять пусто...

Кинжал...

Стоп! Я остановился, морда прилипла к стеклу. Это ведь кинжал, за которым охотились прихвостни Леона! Такая же рукоятка, такой же в точности клинок. Вот только последний обломан, половинки лежат рядышком, как кусочки мозаики. Когда успели сломать? Или кинжал все-таки другой?

– Это что, какой-то музей? – спросил я.

Леон запрыгнул на подлокотник трона, развернулся, сверкнули брызги со складок плаща, сфинкс улегся на моховую обивку.

– Почти в яблочко, – отозвался он, – однако позволь теперь мне помучить расспросами тебя. Я тоже бываю до неприличия любопытен.

Его хвост исчез под плащом, но уже через пару секунд вылез, обмотанный вокруг рукоятки знакомого кинжала. По лезвию пробежались бирюзовые отсветы. Я вспомнил, точно так же когда-то этот кинжал вытащила из собственной прически его бывшая владелица. Они что, таскают с собой карманное измерение?

Значит, тот клинок, что в лежит ячейке, все же другой.

– Ох, приятель, – заговорил Леон с недовольством и, отвернувшись, поморщился, – не смотри так... На кожу будто плеснули уксус! Загорюсь от твоего взгляда...

Я отвел глаза.

– Прости! Я не специально.

Леон засмеялся.

– Да знаю. Считаю, это комплимент. Лучше вот что скажи... Тебе известно, кому принадлежало это оружие?

Он сделал акцент на слово «кому».

Вновь какое-то напряжение. Как недавно, когда Леон рассуждал о верности. В голове еще раз промелькнула его тогдашняя реплика. И опять показалось, что в ней что-то не так.

– Да, – ответил я.

К этому моменту я уже прошел по краю зала и приблизился к трону.

– Прекрасно, – говорит он. – Запрыгивай, располагайся удобнее.

Я оседлал другой подлокотник.

Леон ловко перехватил кинжал зубами у основания клинка, положил перед собой.

– Будь любезен, Риф, расскажи в деталях, что именно ты знаешь о... хозяйке этой вещицы.

– Да, собственно, не так уж и много. Гулял по крышам и случайно наткнулся...

Я начал с момента, когда увидел смуглую азиатку верхом на варане, а та почуяла меня сзади. Так я чуть не стал носителем острой стальной штуковины у себя в заднице, кинжал пролетел, скользнув по шерсти... Далее я описал побег, вплоть до того, как оказался под мусорными контейнерами.

«В мире, где никому нельзя доверять», – крутится в голове обрывок из речи Леона. Именно он все это время не давал мне покоя. И продолжает не давать.

– То есть, – говорит Леон, – ты не в курсе, зачем она была на той крыше?

Подумав, я произнес:

– Затрудняюсь ответить.

– И ты не знаешь, кто она вообще такая?

– Могу ошибаться, но... кажется, это была Блика.

Леон просиял.

– Ты не ошибся, приятель! Тебе повезло лицезреть легенду перемира!

– Да уж... – говорю со вздохом. – И чуть не повезло быть ею зарезанным.

Мой собеседник засмеялся.

– Зато, быть может, погреешься в лучах ее славы. Немногие могут похвастаться тем, что сумели сбежать от самой Блики. Станешь знаменит, как Гарри Поттер! Котик, который выжил! Ха-ха-ха!..

Я усмехнулся.

– Да ты, похоже, ее фанат.

– Ну, не без этого... Но репутация у нее заслуженная. Видишь, даже такой неофит, как ты, уже успел прознать о ней хоть что-то.

Он запрыгнул на спинку трона, покрутился на месте, морда и хвост демонстративно обвели помещение, заменяя руки.

– Здесь собраны предметы, которые имеют отношение к этой женщине. Либо ей принадлежали, либо связаны с ней как-то иначе... Таких кинжалов, как этот, в моей коллекции уже семь.

Гляжу на него с подлокотника снизу вверх.

– Ничего себе! А... в чем смысл?

Он повернулся ко мне и посмотрел искоса, очки наклонились, обнажив бирюзовые зрачки.

– Догадайся.

Я попытался почесать затылок, как если бы был человеком, но вместо этого лапа абсолютно по-кошачьи почесала за ухом.

– Не знаю, – сказал я. И попробовал отшутиться: – Хочешь открыть музей имени Блики и стричь капусту, продавая билеты.

Леон шутку оценил.

– Не исключено, что так и случится...

Однако затем будто ушел в себя, кошачьи губы и усы шевельнулись в робкой улыбке. Такое чувство, что ему одновременно хорошо и неловко от каких-то своих мыслей.

До меня начало доходить.

– Погоди-ка... Ты что, влюблен?

– Ну вот!

Он будто обрадовался, что его раскусили, я увидел облегчение.

– Даже скрыть не получается, у меня на морде и так написано, верно? Что ж...

Леон спрыгнул на сиденье трона, спина сторбилась. Теперь я смотрю на него сверху.

– Надо ведь чем-то коротать беспечное кошачье время, – оправдывается сфинкс. – Когда все уголки мира со всеми благами становятся доступными одним движением брови, вкус жизни теряется быстро. Так что... Мое сердце, конечно, выбрало более чем экстремальный объект для обожания, с другой стороны... безнадежность затеи не дает заскучать.

Мне показалось, черные линзы ищут, куда бы провалиться, влюбленный кот лихорадочно соображает, как сменить тему. Я хотел успокоить, мол, ничего в этом такого, сердцу не прикажешь, но он вдруг воскликнул:

– Слушай! Давай я тебя познакомлю со своей второй ипостасью. Одну секунду...

Леон скрылся за тронem, а спустя несколько мгновений с другой стороны кирпичного кресла вышел, держа руки в карманах, мужчина лет сорока в темном кожаном плаще с широким воротником и полами до щиколоток.

Оказавшись перед тронem, он развернулся ко мне лицом. Под плащом неброская, но вполне цивилизованная одежда. Черные круглые очки на месте.

– Прошу любить и жаловать!

Руки взметнулись в разные стороны, церемониальный поклон. Бородка, усы, прическа... Ему бы подошла роль какого-нибудь ресторатора или крупье. Голос не лишился фирменной любезности.

– Прикольно! – сказал я, потупившись.

– Не Ромео, конечно, – он пожал плечами, – но выйти на дуэль ради дамы сердца еще в состоянии. Дама, правда, такая, что сама кого хочешь вызовет, а желающих днем с огнем не сыщешь. Так что из конкурентов у меня только мой собственный инстинкт выживания. Прибьет дама, не успею даже серенаду завять!

– Зачем ей тебя прибивать?

– Под горячую руку, как говорится. Барышня импульсивная, если не заметил.

– Да уж...

Мы опять посмеялись.

– Ну, так что, явишь мне человеческую версию себя? – предложил Леон.

Пришла моя очередь смущаться:

– Видишь ли, не умею пока превращаться вместе с одеждой. А голому здесь как-то не по себе.

– Так это не проблема! Держи!

Он подошел к трону, плащ соскользнул с плеч и улегся на подлокотник. Леон остался в жилетке, рубашке, брюках с ремнем и высоких ботинках.

Я хотел последовать его примеру – спрятаться сперва в темном закутке позади трона, – но едва меня повело в ту сторону, Леон остановил:

– Давай тут. Все равно смотреть не буду. Поищу пока, куда пристроить новый экспонат.

Взял с подлокотника кинжал, развернулся и зашагал вдоль стены. Очки переместились на лоб, коллекционер вглядывается в стекла камер хранения. В мою сторону не смотрит.

– Давно за ней слежу, – говорит, не отвлекаясь, – у Блики очень мощный... энергетический след, так скажем. Вот всяких слабаков, вроде нас с тобой, отслеживать куда труднее. Но только не Блику! Легко могу узнать, где она побывала... Но, к сожалению, не могу знать, где будет. Так что... посещаю места, откуда она исчезла, и собираю то, что осталось после нее.

– А узнать, где она сейчас, можешь?

– Нет. Следу нужно время, чтобы охватить перемир. Так же как взрывной волне нужно время, чтобы распространиться. Когда нахожу след Блики, ее в том месте уже нет. Она нигде не задерживается. Кроме, может быть, дайменов. Но даймены она маскирует, до сих пор не известно ни одного.

Тем временем, я уже восседаю на троне, запахнувшись в плащ. Руки на подлокотниках, затылок впитывает прохладу кирпичного изголовья. Подкладка плаща обнимает тело боже-ственно. Я бы дал этим ощущениям бронзовую медаль, после горячей ванны и объятий голой женщины.

Наблюдаю, как Леон, стиснув клинок в челюстях, карабкается по кирпичным выступам, по брнчащим потолочным цепям, и меня точит изнутри какой-то червячок.

Леон, конечно, подкупил своей мелодраматичной историей, однако...

Во-первых, он даже не поинтересовался о моих правах на этот кинжал. Я бы, конечно, и так ему отдал, если бы он попросил, мне сия железка не очень-то и нужна. Я всего лишь использовал ее как маякорь для своего даймена, могу сделать и другой. А тут фетишист, страдающий от безответной любви. Как тут откажешь!

Но Леон изначально ведет себя так, будто кинжал – его собственность. В довесок к тому, что его бандиты без приглашения заявили на мой даймен, пытали и грозили расправой!

А во-вторых...

«В мире, где никому нельзя доверять...»

Его цитата опять царапнула мозг.

«Никому нельзя доверять», – вот три слова, которые не давали покоя все это время.

Смотрю, как хозяин хранилища поднимает стекло одной из ячеек, кладет туда добычу, запирает...

Никому нельзя доверять!

Так почему же ты, Леон, с такой легкостью устраиваешь мне экскурсию по собственному даймену? По сокровищнице, которую с такой скрупулезностью наполняешь много лет. По месту, кишашему твоими шпионами, чтоб не дай бог ни одна посторонняя муха не пролетела. По тайному логову, над которым неизвестно какой город и даже какая страна! И вот по такому месту ты спокойно водишь меня, которого видишь впервые в жизни! Который запоминает маякори этого подземелья, уникальные детали, а значит – сможет без проблем вернуться сюда через перемир и привести с собой кого угодно!

Леон спрыгнул на пол, развернулся ко мне в радушном жесте, очки упали обратно на переносицу, сверкнула улыбка.

– Валя!

«Почему ты это делаешь, Леон?» – думаю я, глядя, как он идет к трону по решетке над бурлящим бирюзовым озером, сквозь пары снотворного, очевидно, безвредного для своего создателя.

Почему ты раскрываешь сокровенный даймен первому встречному?

Ответ вижу лишь один.

Ты в полной уверенности, что первый встречный не покинет это место никогда.

– Тебе чрезвычайно идет мой плащ, – говорит Леон, приближаясь и хлопая в ладоши. – Но еще больше тебе идет этот трон!

Он вскинул руку, и пальцы высекли щелчок.

В ту же секунду плащ сдавил мое тело. Пуговицы сами собой застегиваются, полы обмотались вокруг ног, воротник схватил за горло. Меня вжимает в трон спиной, задом и всеми конечностями, будто я привинчен огромными шурупами, даже голову не повернуть, смотрю прямо перед собой, туда, где в торжествующей позе стоит Леон.

Из ячеек в стенах, бодая и поднимая лбами стекла, полезло кошачье племя. Колодец наполняется злобным мявом и шипением. Они стекают по стенам, будто капли меда по сотам, и окружают трон полукольцом. Вот уже скачут по трону, топчутся по мне. Шипят, брызжут слюной, распускают когти, сверкают клыками, пожирают меня глазами, полными ярости...

Сфинксы, сфинксы, никого, кроме сфинксов!

Стиратель

– Тише, тише!

Леон призывает свору лысых четвероногих к порядку, но кошачья какофония, кажется, лишь набирает обороты. Не могу пошевелиться, будто внутри заржавевших рыцарских доспехов. Плащ держит намертво. Со всех сторон колют злобные реплики котов и кошек:

– Дайте нам порвать его, босс!

– Смерть ему!

– Он покалечил наших ребят!

– Он стиратель, чувствуете?! Он может стереть нас всех...

– Ты уже труп!

Тогда Леон поднял руки над головой, ладони хлопнули друг о друга. Хлопок неожиданно громкий, как выстрел из пистолета, я даже увидел, как звуковая волна упругим призрачным бубликом разбухла во все стороны, вынудив кошачьи спины напрячься.

Все тут же умолкли.

– Не суди их строго, – говорит Леон, опуская руки, – они просто тебя боятся. У них тоже аллергия на твой взгляд.

Жестом он подал сигнал кому-то из сфинксов, осадивших трон.

– Оставьте нашего дорогого гостя. Пока что. Лучше принесите сюда его... предшественника.

Парочка кошек перепрыгнула куда-то за трон.

Я дернулся, на этот раз со всей силы, оскалившись. Но тщетно.

Леон улыбнулся.

– Видишь ли, – говорит невозмутимо, – сегодня утром произошло досадное событие. Умер мой стиратель. Превосходный был экземпляр! Три года просидел в этом кресле и, подумав только, до самого конца остался при своей твердолобости. Я регулярно бросал ему кого-нибудь из своих недоброжелателей, просто дежурная проверка, не утратил ли мой страж даймена, так сказать, порох в пороховницах. И всякий раз он их качественно сжигал.

Из-за трона вышли двое, мужчина и женщина, несут за ноги и руки, будто мешок, третьего. И, скорее всего, мертвого. Леон и кошачья ватага расступились, пропуская носильщиков. Они, как и те, кто напал на меня на крыше, похожи на каких-то неформалов. А тот, чье тело небрежно сбросили в центр решетки над пузырящимся котлом, выглядел вполне солидно. Когда-то давно... Пиджак, брюки, рубашка с галстуком, ботинки... Все рваное, в пятнах, словно не снималось несколько лет. Седые волосы, борода и усы разрослись, мужчина похож на дикаря из джунглей.

На глазах черная маска. Такую обычно надевают перед сном.

– Увы, – говорит Леон, – старость не щадит никого. Наверное, сердечный приступ...

Носильщики, зажимая носы и рты, поспешили убраться из зоны испарений. Их фигуры скрылись где-то за тронном.

– Я бы тебя не привел к себе в убежище, – продолжает вожак сфинксов. – Взял бы кинжал да оставил там, на крыше, но ты на свою беду успел увидеть меня перед тем, как потерять сознание. Даже не всего меня, только лапы. А я успел ощутить твой взгляд. Как в горячую воду зашел, честное слово! Ну, решил я, тут сама судьба указывает. Стиратель, да еще такой своеобразный... Грех было пройти мимо!

– И что за хрень такая, стиратель?

– О, прости, ты же новенький! Что ж... Надеюсь, хотя бы о том, что творить чудеса перед людьми да и просто попадаться им на глаза нежелательно, ты в курсе?

– В курсе.

– И почему же так лучше не делать?

– Можно исчезнуть.

– Переместиться, – уточнил Леон. – Случайно. В принципе, ничего страшного, если суметь вовремя собраться. Но засада в том, что бывают люди, от взгляда которых можно исчезнуть навсегда. Сгореть. В одно мгновение. Такие люди, стиратели, настолько не переваривают все, что за гранью их понимания, и при этом настолько убежденные скептики, что перемиру проще отменить все необъяснимое в зоне их внимания. Отменить самым радикальным способом.

– Да, слышал о таких... Хочешь сказать, я один из них?

Леон пожал плечами.

– Конечно, никто не знает, что чувствуют те, кто сгорают от взгляда стирателя. С того света, если он есть, никто не возвращался, чтобы поведать. Но приближение опасности можно почуять за миг до. Как и в случае с обычными людьми. Знаешь про... чувство ветра?

Я сначала не понял, о чем он, но потом вспомнил:

– Да, меня как-то раз швырнуло в перемир из торгового центра. Охранник увидел по камерам. За секунду до этого налетел ветер.

– А в случае со стирателем – не ветер. Кое-что иное...

– Жжение? – предположил я.

Леон щелкнул пальцами, улыбка до ушей.

– Бинго!

– Тогда почему я до сих пор не спалил тебя и всю твою шайку?

– Потому что ты уже один из нас!.. Ну, не из нашей, как ты выразился, шайки, конечно. Один из перемирцев. Знаешь про перемир и даймены, знаешь, что это не выдумки. Тебе объяснили, как тут все устроено, и ты принял это своим... э-э-э, непригодным для таких вещей мозгом. Парадокс! Стиратель, которого принял перемир! Тебя привели. Можно сказать, впихнули, я уверен. Сам бы ты не смог. Таких, как ты, перемир и близко не подпускает.

Леон посмотрел на свои ладони.

– Я и сейчас чувствую, как твоя природа стирателя пытается сжечь всех нас. Руки горят, будто держу их рядом с огнем. И лицо тоже, и все остальное... Хотел бы я знать, у кого хватило могущества привести в перемир стирателя... и не сгореть по пути.

– И зачем тебе стиратель? – спрашиваю. – Защищать логово от незваных гостей?

Не то чтобы очень интересно, в такой-то ситуации, но расспросами тяну время. Не знаю, что это даст. Но тянуть – все, что мне остается.

Леон расплылся в улыбке.

– Разумеется.

– Держать оружие массового поражения у себя дома весьма опасно. Да еще настраивать против себя, превращая в раба.

– Ну, большую часть времени мой раб сидит с закрытыми глазами. Не думаешь же, что позволяю ему пялиться, куда и на что захочет.

Леон подошел к трупу.

– Эх, бедняга до самого конца был убежден, что на нем проводили какие-то запрещенные научные эксперименты. Или что-то в таком духе... Упертый пень! Для стирателя – самое то!

Снял с головы моего предшественника маску для сна, вертит вокруг указательного пальца, возвращаясь к трону.

– Скоро это примеришь, – пообещал он.

– Зачем? – усмехнулся я с издевкой, старательно пряча за ней отчаяние. – Зачем я вообще тебе сдался? Стиратель из меня бракованный. Испепелить не могу, только в жар бросить. Иначе вы передо мной не расхаживали бы всей сворой!

Свора в ответ зашипела и завыла с новой силой.

– А вот над твоей, так сказать, профпригодностью, – говорит Леон с критической дозой патоки в голосе, – мы сейчас поработаем.

Он спрятал маску в карман брюк, ладони хлопнули, вновь обратив на хозяина внимание взбесившихся сфинксов. Палец ткнул в верхнюю часть стены сбоку от него.

– Принесите мне экспонат номер двести тринадцать...

Другая рука указала в стену с противоположной стороны.

– ... и экспонат номер сорок девять!

Несколько лысых кошачьих пружин метнулись в разные стороны, потом резко вверх по кирпичным выступам, как обезьяны.

– Я ведь не соврал тебе о своих чувствах к Бликке, – говорит Леон. – Я действительно влюблен! В ее силу... В безграничную силу! И эта сила должна принадлежать... мне! Мне!!! А не какой-то истеричной девке, которая сводит личные счета.

– Вот оно что. А твои цели, значит, будут возвышенные...

– Я хотя бы попытаюсь.

– И как ты собрался завладеть ее силой?

– А тебе зачем знать?

– Ну, раз все равно торчать на этой табуретке до скончания времен, согласно твоему гениальному плану, твои секреты я унесу с собой в могилу, верно? Имею право утолить любопытство. В качестве аванса за предстоящее мне дежурство.

Леон рассмеялся.

– Что ж, может, и расскажу. Если к дежурству окажешься годен.

Кошачьи слуги вернулись с ношей. Леон нагнулся, каждая рука приняла из кошачьих челюстей и хвостов по одному предмету, и вожак сфинксов подошел к трону.

На подлокотник рядом с моей кистью опустились песочные часы. В серебристых чешуйках, с ножками в виде змей. Верхняя полость пустая, в нижней – горка белого песка.

Леон присел на корточки, черные кругляшки линз поднялись, нос почти касается стеклянного купола с песком, сбрендивший коллекционер любит к кристалликами кварца.

– С помощью экспоната двести тринадцать, – говорит тихо, – Бликка однажды мучила одну девушку. Жарила живьем на огне, прям как инквизиция ведьм, но обещала, что если та ни разу не вскрикнет, пока в часах бежит песок, то пытка прекратится. Песка здесь, кстати, на пять минут. Само собой, гореть на костре пять минут и молчать... К-хм... Всякий раз когда бедняжка не выдерживала и кричала, Бликка переворачивала часы.

Продолжая рассматривать красивую вещицу, Леон поставил локоть на колено, в потолок уставился зажатый в кулаке пистолет. Щелкнул предохранитель. Очки вернулись на глаза, голова повернулась, Леон, массируя бороду, смотрит на оружие.

– А вот этой чудесной «Береттой» Бликка однажды расстреляла супружескую пару. Отстреливала им конечности по очереди. Сперва ему, потом ей, потом опять ему, снова ей... Не знаю, что стало с супругой, возможно, истекла кровью, а вот мужа Бликка прикончила кинжалом. Любит она это. Мучает по-разному, но добивать предпочитает холодным оружием. Я бы с удовольствием займел тот экземпляр, но увы... Ты, кстати, в курсе, что ее кинжалы не просто убивают? Нет, разумеется, ты не в курсе... Умерщвленное ими тело сгорает вместе с самим кинжалом, даже пепла не остается! Впрочем, ладно, что-то я отвлекся...

Леон передернул затвор и поднялся. Пистолет небрежно ткнул куда-то за трон.

– Эй, кто-нибудь, дерните рычаг!

Сзади заскрежетало металлическое...

Скрежет закончился щелчком, и – я вздрогнул! – решетка, где лежал труп одичалого пенсионера в грязном костюме, резко ушла под воду. Вместе с телом. Кирпичные берега бассейна хлестнуло волной, сфинксы дружно отпрянули, под брызги попало даже мое лицо.

Леон не шелохнулся. Ему окропило спину и волосы, а он так же пристально смотрит на меня и улыбается.

Теперь сияющие озеро бурлит посреди зала во всей красе. Без решетки стало светлее, поверхность воды качается, выпускает пузыри, вверх уносятся потоки летучих капелек. И все такое бирюзовое...

– Сейчас проверим, – говорит Леон, – какой из тебя стиратель.

Развернулся к хвостатым бандитам.

– Так, народ, а ну живо исчезли из поля зрения нашего гостя! Быстрее, быстрее!..

Начал махать руками, притопывать, пистолет дирижирует в разные стороны. Кошки с воплями разбегаются, лапы грохочут, будто катится горный обвал, когти скребут по карнизам, поднимаются и опускаются стекла ячеек...

Я почувствовал, как на мое плечо, у воротника, ближе к лопатке, опустилось что-то теплое, и оно... шевелится.

– Риф, слушай, – прошептал в ухо знакомый вкрадчивый голос.

У меня чуть сердце из груди не выскочило.

– Ласт!..

– Тихо! – перебил крыс и куснул за мочку. – Слушай внимательно! Сейчас он разгонит всех, и они не будут тебя видеть. Только он! Когда подвернется момент, я его отвлеку. У тебя будет пара секунд. Превратись в кота и прыгай в перемир! Понял?! Превратись и прыгай!

– А ты?

– За меня не...

Мой друг не успел договорить: Леон развернулся ко мне. Теплый комок за воротником заерзал, протиснулся меж лопаток и замер. Плащ лишил меня возможности двигаться, но все равно боюсь шелохнуться, ненароком задавить крыса, который между плащом и тронном как в тисках.

Последние сфинксы исчезли в стенах. Стало тихо. Если не считать бурление воды, давно привычное.

Леон подошел к трону, встал у подлокотника с песочными часами, пистолет указал на пузырящийся колодец.

– Красивая водичка, правда? – говорит в своей приторной манере. – Вот только... такой не бывает. Ну, с точки зрения, эээ... «нормального человека». Вода не светится. Тем более, таким цветом. Если бы на нее смотрел человек, не знакомый с перемиром, она бы просто лишилась волшебных свойств. Стала бы обыкновенной водой.

– Хочешь, чтобы я сделал воду обыкновенной?

– Ты – стиратель! А стиратели решают противоречия более радикально.

Леон перевернул песочные часы, и его силуэт скрылся за краем моего обзора. Плащ не дает повернуть голову, но думаю, что Леон совсем рядом, сбоку от спинки трона.

Догадку подтвердило холодное дуло пистолета, уткнувшееся в висок.

– Итак, стиратель, у тебя ровно пять минут на то, чтобы эта вода исчезла!

– И как я должен это сделать?!

– Не знаю. Сотри свою память. Убеди себя, что такой воды не бывает. Мне плевать... В твоём распоряжении аж целый мозг homo sapiens, венец эволюции! Придумай что-нибудь... И прими к сведению, я не вижу причин оставлять тебя в живых. Нового стирателя найду без проблем, среди людей их как грязи. О Блике ты рассказал. Развлек меня, за что спасибо! А больше пользы в тебе нет. Провалишь задание – вышибу мозги. Не трать время, оно бежит вон как!

Песок и впрямь сыплется быстро, в нижней половине часов растет куличик, а в верхней все глубже и шире становится ямка...

Я зажмурился.

«Такой воды не бывает», – твержу мысленно.

Повторил несколько раз, и глаза открылись.

Вода на месте. Такая же бирюзовая. Светится.

Зажмурился снова. Сердце мечется по грудной клетке, как пойманный зверь, будто это его, а не голову тычут пистолетным дулом. Вроде как надо внушать себе, что такой воды не существует, но могу увлечься, проворонить момент, когда Ласт отвлечет Леона, упустить секунды для побега в перемир.

Ласт атаковать не торопится. Застыл между двумя спинами – моей и трона... Выживает...

Ну же, друг!

Я начал всерьез бояться, что ненароком придушил крысу. Плащ вжимает меня в трон, будто я в него врос, сложно представить, что между ними осталось какое-то пространство.

А может, там и вовсе никого? Вдруг в приступе отчаяния померещилось? Или надышался паров этой проклятой воды до галлюцинаций? Я ведь даже не видел моего друга, только едва уловимый шепот и какой-то зуд в плече и ухе, мало ли, нервы еще не так искрят при стрессе...

В нижнем пузыре часов уже больше половины песка!

Господи, пусть все это окажется кошмарным сном... Пусть этот сон скорее закончится...

Бах! – и все...

Я вспомнил, что мне уже приходила такая мысль когда-то. У себя дома. Вернее, в квартире, которую в то время считал домом. Я засыпал на кровати в обнимку с раненой бело-рыжей кошкой и пистолетом в кулаке. Думал, застрелюсь, как только пойму, что в квартиру ломится группа захвата.

А сейчас вдруг дошло, что именно та ночь и стала рубежом, после которого началась вся эта паранормальная эпопея. Сперва исчезла кошка, но возникла рыжеволосая девушка, потом вместо меня появился шоколадный кот с желтыми глазами. И понеслось, одно за другим...

Хотя, на самом деле, понеслось днем раньше, когда меня выперли из универа, с работы, из отношений. Или в другом порядке?.. Да какая разница! В любом случае, денек выдался на редкость дерьмовый. Но при всей его дерьмовости все-таки худо-бедно, но вписывался в рамки реальности. Даже то, как я забил кирпичом до смерти генеральского сынка, а потом на его тачке вез кошку к ветеринару. Дичь полная, но все же можно списать на неудачное стечение обстоятельств. Одним словом, не повезло.

А вот превращения кошек и людей друг в друга так просто не спишешь. Тут уже другое слово – бред. Ну, или помягче – фэнтези.

И впрямь похоже на сон.

А что, если... действительно сон? Если взять последний фрагмент моей жизни, где нет чудес, а именно – тот, где засыпаю с кошкой на кровати в своей квартире, и если считать, что чудес не бывает в принципе, тогда... может, с того самого фрагмента я и не просыпался вовсе? Сплю до сих пор?

Группа захвата могла не вламываться, а тихо вскрыть дверь, пустить в квартиру усыпляющий газ или сделать инъекцию снотворного. Скорее всего, я все еще под действием какого-то психотропного вещества, потому сон кажется долгим и насыщенным. Вещество убойное, даже очнуться нельзя мгновенно – лишь медленно, очень медленно... выползть из плена иллюзий. Так, что детали реальности и сна перемешиваются.

Возможно, я сейчас на самом деле в плену. Привязан к стулу, со мной работают в допросной комнате силовики или даже тот, чьего сына я грохнул. Седой... Они ведь с Леоном похожи. И как я раньше не обратил внимание...

Подвал!

Седой много раз упоминал место, куда его люди свозили всех, на кого босс точит зуб. И вот как раз на подвал этот кирпичный коллектор больше всего похож. По крайней мере, тоже где-то под землей.

Правда, Седой и подвал – тоже часть сна. Мог ли я узнать во сне о том, с чем не сталкивался жизни?

Скорее всего, разговор с Седым у меня дома действительно был, но допрашивал он не рыжую красотку (ее и вовсе не было), а меня. Но я уже был под воздействием веществ, наверное, пускал слюни, а мой поплывший рассудок перемешал то, что было в разговоре на самом деле, с фантазией.

И сейчас происходит то же самое!

Это мрачное кирпичное помещение, думаю, действительно существует. А вот вода...

Я открыл глаза.

Вокруг почти кромешный мрак. Скупой свет проникает лишь из люка на потолке и еще из трубы, откуда мы с Леоном пришли. Основного же источника света больше нет. Как и плеска воды.

А еще в нос ударил запах нечистот, как в деревенском сортире! Эта перемена обратила на себя внимание даже больше, чем все остальное.

Дуло пистолета отпустило мой висок, и я услышал смех и сдержанные хлопки аплодисментов.

– Надо же! Поздравляю, стиратель!.. Честно говоря, сомневался, что у тебя получится, но ты доказал, что... А-А-А!!!

Я не успел порадоваться своему достижению, от крика Леона сердце подпрыгнуло, инстинкт мгновенно сообразил, что случилось, и спрятал меня от всего мира под темнотой век. Тело тут же вспомнило, что нужно делать, ведь делало много раз.

– Паршивая крыса!

Это я услышал уже кошачьими ушами.

Когда перед глазами возникли когти моих передних лап, впившиеся в подножие трона, мне следовало вновь зажмуриться и сигануть в перемир, но крысиный писк вынудил оглянуться.

Я запечатлел момент, в котором Леон отшвырнул моего друга на трон, очки перекосило, щека сверкнула кровью свежих царапин, Леон в ярости обернулся ко мне.

Меня сковал ужас.

Я упустил шанс! Леон меня видит. И теперь не сведет с меня глаз, а это значит, в перемир не уйти. Да и сфинксы наверняка среагировали на вопли босса, смотрят из всех щелей, я на перекрестье десятков взглядов.

Леон вскинул в мою сторону пистолет.

Под грохот и вспышку выстрела я прыгнул в бассейн, где вместо воды теперь бездонная черная пустота. Увидев, словно в замедленной съемке, белоснежную линию трассера, вспоровшую мрак в опасной близости от меня, я полетел вниз. Первые секунды в стенах гигантского колодца мелькали кирпичи, затем – только их контуры на черном фоне, а потом не осталось ничего, кроме черноты и чувства падения.

Я свернулся клубочком в воздухе и позволил перемиру забрать меня.

ОБЫЧНЫЙ КОТ

Паника помешала сообразить, куда именно хочу переместиться. В подсознании пульсировало одно: куда-нибудь, где безопасно. По идее, такая мысль должна была привести на крышу. Я к ней прикипел, она успела стать дайменом и спасла от издевательств банды Леона. Но, видимо, именно эти последние события ослабили ассоциацию данного места со словом «безопасность».

И перемир забросил в мою бывшую квартиру.

Когда я был тут в последний раз, примерно неделю назад, это едва не кончилось гибелью. Но те неприятные впечатления успели притупиться.

За окном ночь.

Будь я человеком, вряд ли бы что-то разглядел. Хорошо, что теперь со мной кошачье зрение.

Я обнаружил себя на кресле. Обивка во многих местах испорчена, скорее всего, ножом, «раны» вспухли белыми хлопьями ваты.

Бог мой, тут что, была война?!

Мое прежнее обиталище и правда выглядит как после стихийного бедствия. Мебель разломана, опрокинута, посуда вдребезги, обои подраны... Подозреваю, дело рук Седого и его, с позволения сказать, людей. Не смог смириться с тем, что упустил убийцу своего отпрыска, и решил выместить злобу на вещах. На квартире живого места нет! У меня сжалось сердце, будто нашел изуродованного пытками зверя. Как когда-то нашел под мостом кошку. Или крысу под мусорным баком...

Ласт!

Он ведь остался в логове Леона! Смог ли сбежать? Я должен что-то предпринять, вызвать его...

– Ты откуда взялся, модник?

Испуг швырнул меня с кресла на пол, живот и когти вжались в линолеум, я во все глаза уставился вверх.

Разглядываю здорового серого кота... Хотя в темноте цвет определить трудно, серое все вокруг. Котьяра невозмутимо вылизывает длинную шерсть, разложившись на спинке кресла. Он больше меня раза в полтора. Как минимум. Настоящая зверюга!

Мейн-кун.

Пушистый хвост, на груди пышная грива, огромные уши с кисточками. Гибрид льва и рыси закончил слюнявить лапу, до меня царственно снизошли миндалевидные глаза.

– Как сюда попал, спрашиваю?

Я слегка расслабился.

Странно, но угрозу мое нутро не ощущает. Ленивый тон речи мейн-куна сообщил, что драться этот огромный хищник не намерен. То ли нрав миролюбивый, то ли просто не видит во мне серьезного противника. Скорее, второе.

И все-таки спускать с него глаз пока не хочется.

Я поднялся и ответил:

– Через перемир.

Кисточки на ушах мейн-куна шевельнулись.

– Чего?

– Перемир, – повторил я.

– Это что, форточка такая?

У меня окончательно отлегло от сердца.

– Ну... вроде того.

Все ясно. Обычный кот. Ласт рассказывал, что далеко не все, кто ходит на четырех лапах, имеют отношение к перемиру. Большинство животных – просто животные. И, как и положено животным, не умеют разговаривать. Хотя некоторые, вроде этого, умеют, но их словарный запас, как правило, ограничен. Перемир их не боится, можно совершенно спокойно превращаться, прыгать сквозь измерения и творить другие чудеса у них на глазах. Могут, конечно, шарахнуть прочь или остолбенеть, но это проходит быстро. Ломать свои маленькие мозги поиском объяснений не станут. Забудут уже через пару секунд. А то и вовсе не обратят внимания.

Котяра зевнул, сверкнув капканом клыков, затем помотал головой и произнес:

– Слышь, модник, где тут можно пожрать, не в курсе?

– Очевидно, в холодильнике, – ответил я и посмотрел на то, что осталось от последнего. Вмятины, царапины, дверца висит на одной петле, шнур оборван... А внутрь лучше и вовсе не заглядывать.

– Да я там уже съел все, – говорит мейн-кун, – только шпроты остались. Не умею открывать эти жестянки.

– Почему ты называешь меня модником?

– А чего вырядился?

И только теперь я удосужился осмотреть свое туловище.

На мне плащ Леона!

Опасный предмет гардероба превратился вместе со мной и теперь сидит на кошачьем теле, как родной, даже не чувствую, что на мне что-то постороннее. А ведь он закрывает почти всего меня! Я осмотрел манжеты у сгибов передних лап, шеренгу пуговиц на груди и животе, складки на боках... Подпрыгнул к осколку зеркала, увидеть воротник.

Стильная, конечно, вещица, но все равно не по себе. Сейчас ничуть не стесняет движений, но я не забуду, как она душила! Лучше избавиться. Лапы для манипуляций с пуговицами не подходят, придется снова стать двуногим великаном.

Пойду в ванную, не буду лишний раз вгонять в ступор нового знакомого.

Я направился в царство кафеля, но меня окликнули:

– Эй, модник, жестянки открывать умеешь?

– Какие?

– Да вон, под раковиной.

В указанном месте я действительно обнаружил банку шпрот. Хорошенько облюбованную, как сообщил мне нос, и даже кое-где помятую клыками. М-да, футболили ее по полу неслабо, вся в пыли. Герметичность, тем не менее, сохранилась. Вряд ли смогу нарушить. Если даже этот серый монстр не смог.

Интересно, а как он попал в квартиру?

Ах, ну да...

Окно балкона разбито, сквозняк колышет занавески, проходит через истерзанное жилище, как нитка через игольное ушко, выходит в приоткрытую железную дверь, шелестя паутиной растянутых поперек прихожей лент оцепления. Похоже, тот факт, что квартира опечатана, не помешал кому-то сюда наведаться. Странно, что здесь еще не поселились бомжи. Не ровен час, так скоро и будет. Бедное гнездышко! Впрочем, переживать должен не я, а собственники. Я всего лишь снимал эту жилплощадь. И все же...

У меня вообще пагубная привычка очеловечивать вещи. Рука не поднимается выбросить, если что-то сломалось или пришло в негодность. Вещь же будет страдать там, на помойке, не понимать, за что с ней так, она же ничего плохого не сделала! Звать на помощь, а никто не услышит... В общем, нельзя мне копить вещи. Помню, переживал за разбитую сахарницу, как за живую.

А тут целая квартира!

Я снова направился в ванную, но краем глаза заметил, что серое воплощение лени и невозмутимости на вершине кресла как-то оживилось. Лапы и брюхо грохнули об пол, и туча длинной шерсти уплыла под раковину. А затем я услышал... чавканье.

– Да ты... ом-ном... талант, модник... ом-ном-ном...

Любопытство вернуло меня на кухню, подвело к серой метелке хвоста. Я осторожно заглянул через мейн-куна.

Банка шпрот открыта!

И не просто открыта. Края банки идеально ровные, будто никакой крышки там и не было изначально. В ноздрях затрепетало от аромата копченой рыбки. Котьяра повернул на меня умазанную в масле морду.

– Будешь?

– Нет, спасибо, – ответил я.

Хотя слюну сглотнул.

Мейн-кун вернулся к трапезе, а я снова направился в ванную. На полпути остановился, задумавшись.

Это место меня услышало. Значит, оно – все еще мой даймен. Несмотря на погром и на тот ужас, что творился со мной здесь неделю назад. Стены помнят хорошее. Моменты с Жанной, когда я жил в счастливом неведении о ее истинной сути. И моментов было много, они все еще перевешивают тот мрак, когда я разом лишился работы, учебы и любимого человека. А заодно и будущего. И конечно, стены помнят самое удивительное утро в моей жизни: рыжая девушка в желто-зеленой клетчатой рубашке на голое тело хозяйничает у плиты, ее тихий напев, запахи яичницы, жареной ветчины и драников... и мое новое кошачье тело.

Я прислонился лбом к стене, глаза закрылись.

«Спасибо, – подумал я. А затем добавил: – Мне жаль, что они сделали с тобой такое».

Не знаю, услышала ли меня квартира, но я ощутил потребность сказать это, пусть и не вслух.

Наконец, уединился в ванной.

Она оказалась, как ни странно, невредимой. Забыли про нее, что ли? Дверь приоткрыта, в помещении густой сумрак. Вернее, тьма кромешная, но для человеческих глаз. Кошачье зрение худо-бедно справляется. Контуров различаю, и ладно.

Я запрыгнул на край ванны, прошелся по нему туда-сюда, как по обрыву каньона, и спрыгнул на акриловое дно. А затем, вопреки изначальной цели, вдруг улегся клубочком...

И задремал.

Еще один гигантский плюс кошачьего бытия в том, что мы очень легко засыпаем и просыпаемся. А чтобы вполне сносно выспаться, достаточно пяти минут. Не передать словами, какая удобная штука. В человеческой шкуре ворочался бы черт знает сколько, потратил бы несколько часов, а тут, как говорится, между делом. Как в лоток сходить.

Сон мне сейчас и правда не помешает. Передряга на крыше и в логове сфинксов неслабо так потрепала нервы. Однако даже пяти минут дремы меня лишили. Я подскочил от грохота. Как оказалось, с полки надо мной в ванну упали гигиенические принадлежности – шампунь, гель для душа и мыльница.

Запрокинув голову, смотрю на опустевшую сеточку полки.

Что за...

Они же не могли упасть сами. Один предмет – да. Стоял на самом краю, бывает... Но только не все сразу!

А затем я почувствовал, что не один. Не знаю, какой именно орган подсказал, что сзади кто-то есть. Шерсть встала дыбом, хвост задергался. Я успел отскочить на другой конец ванны и развернуться, а туда, где был только что, ударил упругий снаряд кошачьего тела, выскочив-

ший из раковины. Если бы не разбудившие меня пластмассовые баночки, то когти, противно скрипнувшие об акрил, сейчас впивались бы в мое мясо. Спасибо, даймен!

Кот запрыгнул на край ванны рядом со смесителем, развернулся, злые глаза уставились на меня сквозь черные круглые стекла.

– Чужое брать нехорошо, – сказал Леон.

– Кто бы говорил. Или на чужие жизни это не распространяется?

– Зря ты не дал себя усыпить. Я хотел безболезненно.

– Свернуть мне шею?

Леон посмотрел исподлобья.

– Видишь ли, голова на этой шее теперь помнит мой даймен. Ты не оставил мне выбора.

Его хвост крутанул вентиль смесителя, из крана хлынула бирюзовая вода. Ванную озарил мягкий свет. Водяной язык пополз по дну к моим лапам, дурман начал проникать в мозг почти также быстро, как журчание в уши. Мир качнулся, контуры дернулись, словно струны.

Плащ вновь сковал тело, заставил распластаться морской звездой по акриловой поверхности. Пасть оказалась на одном уровне с подползающей к ней снотворной жидкостью.

– Это ты не оставил мне выбора, – говорю, выплевывая первые капли зелья, – затащив к себе в логово!

Блажень неумолимо подступает. Все, что удалось, это кое-как оторвать нижнюю челюсть от ванны и опустить на валяющуюся перед носом мыльницу. Это слегка отсрочит потерю сознания. Может быть.

Леон спрыгнул в воду. Брызги от лап окропили мне морду, отчего все вокруг превратилось в туман, опасно граничащий с провалом в небытие. Сфинкс в черных очках возвышается надо мной, как триумфальная статуя.

– Могу утешить тем, что...

Выражение его морды резко изменилось, в следующий миг Леона подбросил и перекинул через себя мейн-кун, запрыгнувший на край ванны. Его челюсти отпустили загривок сфинкса, и тот упал куда-то за пределы моей видимости.

– Драка! – воскликнул серый здоровяк. – Люблю драться!

В глазах сверкнули огоньки, мейн-кун исчез следом за Леоном, после чего я услышал грохот вперемешку с кошачьим воем и шипением, дверь ванной распахнулась, ее, похоже, протаранили, и клубок сцепившихся в схватке котов, судя по звуку, переместился в прихожую, а затем в комнату.

Плащ больше не держит!

Поскальзываясь, я уцепился передними лапами за акриловый берег, задние отчаянно забрыкались, и промокшее тело перевалилось через край, шмякнулось на кафель. Я замотал головой, прогоняя муть, во все стороны полетели брызги.

А затем, наконец, сделал то, ради чего пришел сюда изначально. Пара превращений туда-обратно заняла меньше минуты, я успел закрыть кран, расстегнуть пуговицы выросшего вместе со мной плаща, освободить тело и сбросить одежду в ванну, на воду, которая без участия Леона утратила бирюзовое свечение.

Из ванной я выскочил снова котом.

Драка, тем временем, закончилась. Леон с упором на колено стоит посреди комнаты в человеческом облике, без очков, те валяются на полу. Рука держит мейн-куна за шкуру в воздухе, другой кулак сжимает флакон. Такой же, каким меня обработал на крыше подручный Леона. Серый котяра яростно воеет, дергается, видно, что Леону непросто удерживать сильную тушу в подвешенном состоянии.

Увлеченный этой картиной, я не сразу обратил внимание на окружение.

Квартира в полном порядке!

Мебель, посуда, бытовая техника... В том же состоянии, какое было до визита Седого и его быков. Вдобавок, все блестит, как после трудов горничной.

Ну и дела. Пять минут сна – и я переплюнул бригаду таджиков. Можно открывать свой бизнес. Впрочем, вряд ли. Чтобы исполнить столь виртуозный ремонт с другим помещением, придется это самое помещение сначала полюбить.

Но как следует удивиться и помечтать не позволяет обстановка.

Я сосредоточил все внимание на щеке Леона. Вернее, на оставленной Ластом царапине. Та уже засохла, но мне хватило и этого, чтобы запустить обратный процесс. Леон успел несколько раз брызнуть в морду мейн-куна, прежде чем кулак выронил флакон, опустевшая ладонь прижалась к щеке, откуда хлынула кровь. Другая рука выпустила кота. Нырнула за пояс, и на меня уставилось дуло знакомой «Беретты».

– Сейчас же верни мне лицо, паршивец! Не то...

– Поверь, я успею превратить его в фарш до того, как пуля долетит.

Леон перенаправил пистолет на мейн-куна.

– К нему долетит раньше.

Серый кот, шатаясь, направился в мою сторону. Лапы заплетаются, к векам будто подвесили гири, ему едва удастся держать их поднятыми наполовину.

– Что-то я... устал...

Споткнулся об очки. Туша с грохотом растянулась на линолеуме. Но его не вырубил. Я заметил безуспешные, но все же попытки подняться.

Леон, зажимая щеку, держит кота на мушке. Но взгляд вонзился в меня. Кровь сквозь пальцы течет на рубашку и жилетку. И останавливаться, благодаря моим усилиям, не собирается.

– Залечи рану! Каша из мозгов твоего приятеля тебе вряд ли понравится.

Я подкрался к мейн-куну, не спуская глаз с Леона.

– То, что у тебя за спиной, тебе понравится еще меньше.

Блеф сработал.

Тех мгновений, пока Леон косился через плечо в сторону окна, мне хватило, чтобы запрыгнуть на мейн-куна, как когда-то запрыгивал на меня Ласт, вцепиться в шерсть и закрыть глаза с одной-единственной заветной мыслью...

Крыша.

Та самая.

Не лучший вариант, здесь может быть засада. Но я должен найти Ласта. Если ему удалось сбежать, он догадается проведать это место в поисках меня. Хотя надежнее прыгнуть в его даймен – в кратер, где работает горнодобывающий комбайн, – но со мной пассажир, а я обещал не приводить посторонних в главный даймен моего друга.

Я слез с мейн-куна и огляделся.

Раннее утро. Почти все в вышине затянуто темно-синим полотном, но по горизонту уже растеклось плавленное золото. В шерсть запустил прохладные пальцы ласковый ветер. Как же я соскучился по небу! Нос с наслаждением втянул свежий воздух.

– Риф!

Знакомый голос просочился сквозь груды металлолома в углу крыши.

Следом из-под ржавой железяки выбрался серый комочек с лысым хвостом и острой мордочкой.

– Ласт!

Я подбежал к крысу, моя лапа осторожно коснулась его макушки.

– Живой! Как тебе удалось выбраться?

– Не самым приятным путем, – зашевелил усами друг. – Через канализацию в троне.

– То есть?

– Ты не заметил в троне отверстие? Пленник ведь должен был куда-то справлять нужду. Я аж поморщился.

– Фу! Странно, что мой нос не учуял...

– Там везде пахнет только светящейся водой, она гасит другие запахи. Сложно усыплять под запах сортира. Но когда ты заставил воду исчезнуть, завоняло должным образом. А мне еще и прыгнуть туда пришлось.

Я вспомнил. А ведь правда! Когда отсутствие блажени погрузило даймен Леона в темноту, мне сразушибануло по носу вонью, как в туалете, который не чистили годами.

– Сочувствую, дружище.

– Благо, хватило секунды свободного падения... А потом я появился в фонтане. В скверике, твоём даймене, куда ты впервые прыгнул через перемир без моей помощи. Очень уж хотелось искупаться после такого.

– А как ты вообще нашел то подземелье?

– Кинжал. Тот, кто тебя утащил, забрал кинжал Блики. Я использовал его как маякорь. Пришлось вспоминать форму клинка и рукоятки во всех деталях. Это была единственная зацепка. Не помню, сколько сделал прыжков... Штук сорок, наверное. Куда меня только не заносило!

– Ничего себе!

– А потом оказался в какой-то каменной нише со стеклянной дверкой. Прямо верхом на кинжале! Он был еще теплый, будто его туда положили только что. А внизу увидел целую толпу сфинксов. Они окружили тебя на троне и... своего вожака, как я понял.

– Леон. Ты его не знаешь?

– Что-то слышал о банде сфинксов, которые охотятся на Блику. Но имени их главаря не запомнил.

– А что было дальше?

– Выбрался из ниши и обошел это сборище по уступам на стене. Хорошо, что все они были увлечены тобой. Меня не заметили... А это кто?

Крыс напрягся, уставившись куда-то позади меня. Кажется, готов снова юркнуть в джунгли металлического хлама.

Я оглянулся.

К нам, покачиваясь, шагает мейн-кун. Вот так дела! Я думал, дрыхнет, как суслик. Я и после одного пшика убойной водичкой валялся в отрубе неизвестно сколько, но ему в морду прилетело не меньше трех. А он идет себе пьяной походкой, пытается быть невозмутимым. Самое дурацкое – у него получается.

– Спокойно, – спешу успокоить Ласта, – это...

Черт, а ведь я до сих пор не знаю, как зовут этого громилу!

Мейн-кун остановился напротив меня и, удержавшись от падения, поймал взглядом Ласта, глаза округлились.

– О, еда!

Ласт вздрогнул, я тут же развернулся к коту всем телом, заслонил собой крыса.

– Осади, приятель. Это мой друг.

Котяра посмотрел на меня, как на говорящий пень.

– Ты дружишь с едой?

– Еду зовут Ласт! – сказал я на повышенных тонах. – И он спас мне жизнь. А я – твою, между прочим. Так что придержи свой аппетит до лучших времен, господин обжора.

Глаза громилы сузились, в них сверкнули огоньки. Он навис надо мной, как скала.

– Хочешь драться?! – прорычал он.

– Нет, – ответил я.

Но когти выпустил. Весовые категории разные, однако тут мой даймен. Будь что будет, Ластва в обиду не дам.

Котьяра вдруг расслабился, сел.

– Как хочешь, – сказал с безразличием, рухнул и начал вылизывать бок.

Я выдохнул...

Но пришлось напрячься снова. Когда я увидел, что творится на заднем фоне.

– А вон те подрались хотят, – сказал я и ткнул мордой поверх мейн-куна.

Тот лениво обернулся, стал свидетелем того, как из-за надстройки и спутниковых тарелок выходят сфинксы. Я насчитал семерых. Самый крупный, занявший крышу надстройки, исчерчен татуировками.

– Помните, что сказал Леон, – говорит он, оглядывая своих, – не дайте себя ранить!

– Он не один, – сказал кто-то из рядовых.

Татуированный уставился на меня.

– Плевать. Гасите бурого, он – главная цель. И всем быть начеку, здесь его место!

Мейн-кун вскочил.

– О, свежее мясо!

Сонливость как ветром сдуло. Правда, серую тучу шерсти до сих пор штормит, кот пару раз накренился туда-сюда, пока бежал до центра крыши. Мне, по идее, следует попытаться скрыться где-нибудь, например, за свалкой железа, уйти в перемир, но меня зачем-то понесло вслед за громилой.

– Не отходи от убежища, – напоследок сказал я Ласту.

И занял позицию слева от серого любителя драк. Лишь когда сфинксы взяли нас в полукольцо, я заметил, что крыс уже справа от мейн-куна. Съежился, но отступать не намерен.

– Хана вам, плешивые! – рыкнул наш воитель азартно. Лапы опять предательски подкосились, он едва устоял.

Татуированный засмеялся.

– Какие грозные ребята! Сейчас обделаемся, развернемся и сбежим...

Мейн-кун подался вперед и зашипел, хвост распушился, дергается, как серое пламя. Когти вгрызлись в бетон, туша превратилась в напружиненный снаряд, готовый вот-вот выстрелить собой в разрисованного главаря шайки. Крыс, тем временем, дрожит как листик на ветру, кажется, не понимает, чем может помочь в грядущей потасовке, но упорно держит позицию.

И вдруг сфинксы, включая татуированного, попятились назад. Головы вжимаются в туловища, словно черепахи, хотят спрятаться под панцирь. Глаза у всех круглые.

– Ха-ха, так и знал, что вы трусы! – возликовал мейн-кун и, бросив поочередно небрежный взгляд на меня и на Ласту, сказал: – Видали, как они меня боятся! Я вселяю ужас в их тощие задницы!

Сфинксы и впрямь смотрят со страхом. Правда, почему-то не на мейн-куна, а куда-то поверх него. Даже сильно поверх. Так коты обычно глядят на человека.

– Брысь! – прозвенел позади нас веселый и знакомый женский голос.

Затем кто-то хлопнул в ладоши.

До меня не дошло, как это случилось, но сфинксы исчезли. Может быть, пока я моргал от неожиданности. На крыше остались мы трое. И кое-кто еще.

Я обернулся.

Она так же прекрасна, как и тем волшебным утром... Ветерок заботливо перебирает рыжие локоны, под изумрудами глаз дремлет, будто камушки на дне ручья, россыпь веснушек. Только вот родинка рядом с улыбкой куда-то подевалась. Странно, я ведь помню, была. И одежда теперь другая. Белая блузка с короткими пышными рукавами, зеленый корсет. Бляшка ремня в виде какого-то цветка. Белесые и узорчатые, как мрамор, штаны в обтяжку, рыжие сапожки...

Поставив руку на пояс и теребя пальцами крупные ягоды малахитовых бус, девушка искоса смотрит на меня. И нежно улыбается.

– Нашел-таки... Что за непослушный кот!

Меня повело ей навстречу. И чудилось, что лапы не касаются крыши.

– Карри!

Зря ты связался с ней

Я запрыгнул к ней на руки.

Она приняла так, будто была к этому готова, и я на какое-то время потерял дар речи, мог только мяукать, тереться о ее шею и жмуриться от удовольствия.

– Ну, и что с тобой делать, – говорит она, тыкая мой нос кончиком своего, и улыбается – ты, киндер-сюрприз мохнатый?

Я смог, наконец, ответить по-человечески:

– Это не я тебя нашел, а ты меня!

– Да-а-а? И как мне быть с такой находкой?

– Холить и лелеять!

Она рассмеялась. Ноготки зачесали мою макушку, из меня полилось мурлыканье. Кручу головой, подставляя так и эдак, хочется, чтобы пальцы проникли глубже, почесали мозг... Рядом с ней так легко и спокойно, будто мы знакомы тысячу лет.

– А это что за вешалка рыжая? – услышал я голос мейн-куна.

– Ох, зря ты так про нее, – прошептал Ласт.

Не покидая объятий девушки, я повернулся к ребятам.

– Совсем забыл представить. Карри, это мои друзья! Ласт и...

И опять осознал, что не знаю мейн-куна по имени.

– Слушай, дружище, а тебя как зовут?

Тот, уже успевший потерять к нам всякий интерес, расселся на бетоне и бесцеремонно вылизывает причиндалы.

– Не знаю... Забыл.

Карри опять захихикала.

– Да уж, друзей ты собрал... Крыса, на которых мы вообще-то охотимся, и кот, с которым даже не знаком. Оригинально! Я бы похлопала, да руки заняты... Эй, здоровяк! Буду звать тебя Раскат! Не против?

Мейн-кун отвлекся от сакрального гигиенического ритуала.

– Почему Раскат? – спросил я.

– Он похож на огромный кусок теста, – отвечает Карри, – который хочется раскатать.

Я усмехнулся и добавил:

– И пельменей налепить.

– Умные больно, – проворчал мейн-кун и вернулся к своему занятию. Обиды в его голосе не было. Только пофигизм. Эх, мне бы такое самообладание.

Карри развернула меня к себе, взяла за подмышки, я повис. Она покачивает меня туда-сюда, как маятник, глядя мне в глаза.

– Ну, а как звать тебя, чудо шоколадное?

– Риф!

– Будь здоров!

– Не, это имя мое, Риф.

– Коралловый, что ли?

– Не думаю, – признаюсь честно, – я слишком мягкий и шелковистый, как в рекламе.

Карри прижала меня к себе, как плюшевую игрушку.

– Ути мой шелковистый!

А затем вдруг подбросила вверх. Я удивился, сколько силы в таком хрупком с виду создании, но меня заполонил восторг, как ребенка на батуте, я выдал в кувырке счастливый мяв и полетел вниз, ни секунды не сомневаясь, что Карри поймает.

И поймала.

Вот только обстановка слегка изменилась. Мы на той же крыше, но не у края, а сбоку от надстройки с дверью.

Ласт обнаружил нашу пропажу почти сразу, мордочка растерянно завертелась, но стоило крысу обернуться, и он нас увидел, осторожные рыбки повели его в нашу сторону. Раскат же ничего не заметил, все так же, задрал лапу, царственно полирует языком свое мужество.

Карри, тем временем, пересадила меня на плечи, пальчики шупают кирпичную кладку надстройки там, где обвалилась штукатурка, от прикосновений стена с шорохом сыплет ручейки красного песка из щелей между плитами.

– Что делаешь? – спросил я.

– То, что не успела в прошлый раз. Одна сладкая парочка помешала, если помнишь...

– Забудешь такое, как же! А эта парочка может нагряться снова?

– Не может, – говорит Карри, сосредоточившись на поиске чего-то, – а обязательно нагреться, так что времени у нас мало... Ау!

– Прости, я не специально!

Мысль о Бликке и ее варане заставила мое тело изогнуться пружиной, шерсть встала дыбом, хвост заметался, а когти непроизвольно впились девушке в плечи. Я постарался взять себя в руки. Вернее, в лапы.

– Ласт! – обратился я к только что подбежавшему другу. – Скорее уходи отсюда! Скоро здесь будет Бликка и ящер, они могут появиться в любую секунду!

Черные бусинки крысиных глаз взбухли, усы ошетинились, я почувствовал, как и его тушка превратилась в упругий мячик.

Он кивнул, а затем спросил:

– А ты?

– Останусь с Карри. Она меня в обиду не даст.

Но на всякий случай уточнил у рыжей красотки:

– Карри, ты ведь не дашь меня в обиду?

– Не знаю, не знаю, – отвечает та с веселой хитрецей, – если будешь хорошим котиком, может, и не дам... Оп! Нашла!

Ладошка вдавила один из кирпичей, тот уполз в стену, провалился куда-то с глухим стуком, и девушка запустила руку в тайник по локоть, ей пришлось наклониться, я переместился ей на спину и вновь посмотрел на Ласта.

– Ты не мог бы взять с собой Раската? Сам он вряд ли сбежит, вон, разлегся, как у себя дома, а Бликка или тот динозавр его порвут, к гадалке не ходи.

Ласт, съежившись, оглянулся на тучу серой шерсти с когтями и клыками.

– А этот здоровяк меня не...

Крыс сглотнул.

– А ты его не спрашивай, – говорю, – прыгай на спину и в перемир, как делал со мной. Я его сюда, кстати, так же притащил. Он любит покушать, приведи его туда, где полно еды, про тебя сразу забудет.

Мой маленький друг снова посмотрел на меня, страх в его глазах сменился на что-то другое, спокойное, но слегка печальное.

– Уверен, что хочешь с ней? – спросил он.

Струна сомнения дернулась внутри, я в очередной раз оставляю лучшего друга, еще и спихиваю на его малюсенький хребет ношу в виде мейн-куна. Но я долго и упорно ждал встречи с Карри, почти утратил надежду, что она когда-нибудь состоится, но вот...

Не могу упустить шанс!

Я кивнул.

– Бегите, ребята! Я найду вас позже... Удачи, Ласт!

Крыс улыбнулся с грустью, тем не менее, я увидел в этой улыбке тепло. Он принял мое решение. Усики будто махнули на прощание, Ласт развернулся и побежал к коту.

Карри, тем временем, выпрямилась, я опять перебрался на плечи. Покинувшая тайник рука до локтя припорошена пылью, на ладошке – резная шкатулка из темно-красного дерева. Карри дунула на крышку, с витиеватых узоров слетело серое облачко.

Моя шея вытянулась навстречу загадочному предмету.

– Что внутри? – спросил я.

До носа дотронулся указательный палец.

– Рано тебе такое знать, котик, – отвечает девушка игриво, – проживешь дольше. И друзья твои тоже.

Я вновь посмотрел в ту сторону, где видел Ласти и Раската.

Там пусто.

Теперь на крыше только мы вдвоем. Пока что...

Я отвлекся от Карри всего на несколько секунд, а когда вернул все внимание ей, шкатулки в ладонях уже нет, девушка отряхивает предплечье от пыли.

– Эй, а куда спрятала?

Карри зачесала мне подбородок, и я опять растаял. Жмурюсь, балдею... Не только от ногтей, но и от запаха ее волос. Они пахнут топленным молоком и травами.

– Куда надо, – отвечает, продолжая чесать, – туда и спрятала, любопытный котик.

Я открыл глаза.

Меня чуть не снесла волна звуков и запахов, наверное, я снова впился когтями в плечо Карри, но та на сей раз промолчала, придержала мою взбрыкнувшую тушку ладонью, спасая от падения, а потом и вовсе пересадила на руки.

Мы оказались в очень людном месте.

Похоже на базарную площадь какого-то арабского города. Мы в самом центре бурлящего котла торговли. Ночной мрак смешался с медовым, апельсиновым и карамельным светом фонарей и ламп. Смуглые мужчины в тюрбанах, женские лица – а порой одни лишь глаза – в облаке воздушных тканей... Национальные одежды примерно поровну чередуются с джинсами, шортами, цифровыми камерами и селфи-палками. Галдеж, стук копыт, тарыхтение мотоциклов, мелодичное завывание дудки...

Карри уверенно плывет в пестром людском море, ухитряясь не задевать ни туристов, ни местных жителей. Сама она тоже преобразилась. Теперь, как и многие здешние горожанки, закутана в кокон простыней. Совсем как жена какого-нибудь султана. Впрочем, зеленый цвет тканей очень подходит изумрудам ее глаз.

– Где мы?! – спросил я, задрал к ней голову.

Моя проводница прикрыла нижнюю часть лица узорчатой маской, по ее нижнему краю рядом висят и позвякивают янтарного цвета камушки. Сквозь полупрозрачную ткань я заметил улыбку.

– Понятия не имею, – ответила Карри и подмигнула.

Я сбит с толку этим признанием. Красочная суэта вокруг, воспользовавшись моим stupором, беспрепятственно проникает в мои уши и глаза. Мимо нас успели пронестись пара велосипедов и резвый ослик с двухколесной повозкой, прежде чем я выдал:

– Как это?

Снова выкрутил шею и, глядя на Карри, добавил:

– Ты что, не была здесь ни разу?

Янтарные бусинки около ее подбородка постукивают друг о дружку, рождая волнистый перезвон.

– Была. Наверное... Скорее всего.

– И все равно не знаешь?

– Эх, котик... Слишком много в тебе человека.

Древние плиты площади, повидавшие, наверное, еще каких-нибудь крестоносцев и сарацин, мелькали перед моим потупившимся взором. Меня привел в чувство проехавший рядом мотоцикл с прицепом из клеток, в них кудахтали и хлопали крыльями куры. Перышко кувырнулось в воздухе, щекотнуло меня по носу, и я чихнул. Карри, держа меня на предплечье, идет вдоль стены фруктов одной из бесчисленных торговых палаток. Взяла мандарин, понюхала с явным удовольствием, между ней и продавцом случился обмен приветливыми репликами на незнакомом мне языке, Карри вернула плод на место и побрела дальше.

– Как мы смогли возникнуть в такой толпе? – спрашиваю я. – И почему я все еще могу разговаривать по-человечьи на глазах стольких людей?

– Проще простого, котик, – отвечает Карри, почесывая мне макушу. – Оказаться в слишком людном месте так же легко, как и в совершенно безлюдном. Когда народу через край, никто не заметит чье-то внезапное появление или исчезновение. А если и заметит, тут же забудет. Здесь ни на чем нельзя удерживать внимание долго. Суеты больно много, глаза разбегаются... Со звуком то же самое. Этот шум! Свою-то речь разобрать трудно, не то что чужую...

– Ясно, возьму на вооружение, – отозвался я. Потом оглядел цветастую рыночную жизнь и спросил: – А что мы забыли на базаре? Хочешь прикупить какую-нибудь миленькую брошь? Ты и без нее вполне смотришься. И вообще, я украшаю в сто раз лучше всяких там экзотических побрякушек с окраин мира.

– Кто бы сомневался! – рассмеялась Карри.

Мне досталась новая порция приятных почесушек. Пока зеленые ногти, расписанные узорами в виде жилок листьев, пробирают до мурашек мою спрятанную в шоколадный мех кожу, Карри вещает:

– На самом деле, мы сочетаем приятное с полезным. Во-первых, я выгуливаю тебя, брошка ты мохнатая, мир показываю. Ты, небось, только по чужим квартирам скакал? Обчищал кухни и лез в постели одиноких домохозяек.

– Ну, не прям всегда...

Карри хихикает.

– Знаем-знаем, не отпирайся! Нормальное поведение замордованного бытовухой обывателя, дорвавшегося до свободы. Какие уж там путешествия в неизведанное. Хоть бы пузо набить, девочку потискать да выспаться, чтоб никто не трогал... Простые человеческие радости. Не нужно стыдиться.

– Да какой уж там стыд, – говорю, припоминая наши с Ластом диверсии в чужие жилища. – Это же кайф! На работу ходить не надо, еда бесплатная, ночую, где хочу. И с кем хочу. Без всяких последствий... Красота! Другое дело, что хватило недели такой жизни, чтобы пресытиться и начать ломать голову философской ерундой типа «а что же дальше?». Как-то быстро. Думал, буду кутить несколько лет минимум...

– Когда мучает жажда, – изрекает Карри в духе восточных мудрецов, – кажется, что выпьешь океан. Но не хочется уже после пары кружек.

Я не устаю крутить головой, глаза поедают мельтешащие, как пчелы, детали, мозг превратился в ненасытный желудок под названием «любопытство». Магия ночи преобразила толпу, которую вообще-то терпеть не могу, в волшебный танец призраков. Сумрак окрасил таких разных всех в некий единый оттенок, и теперь сборище туристов со всего мира с примесью аборигенов кажется чем-то цельным, как цветные ворсинки ковров, что продаются здесь на каждом шагу, собираются в одну картину.

Я кое-как отвлекся от хоровода вещей и спросил:

– А во-вторых?

– Что «во-вторых?»

Мои глаза опять смотрят снизу вверх, на восточную принцессу, что несет меня сквозь океан теплых красок.

– Ну, ты сказала, что, во-первых, делаешь мне экскурсию. А что во-вторых?

– Ах да... Во-вторых, мы сбрасываем хвост.

Пальцы проскользнули позади меня, вдоль гибкого кофейного отростка, что изогнулся знаком вопроса.

– Не бойся, я не про этот хвост, – сказала Карри сквозь смех. А затем продолжила более серьезно: – Не забывай, по моему следу идет одна неугомонная парочка, с которой ты уже имел честь повидаться на свою беду. Нельзя мне быть долго на одном месте, иначе они почуют, где я, и появятся рядом. Так что мой тебе совет, наслаждайся тем, что сейчас. Скоро нам придется отсюда исчезнуть.

Карри свернула с площади в лабиринт торговых палаток.

Слева и справа сплошь завешано предметами, какие только можно вспомнить. Блюдца, чайники, лампы, зеркала, кожаные сумки и ремни, птичьи клетки, платья, связки веток, бутылочки с маслами, сувенирные маски неизвестных демонов... Чем только не торгуют! Изнанка легких согрета запахом свежих лепешек, их жарят на наших глазах под открытым небом. А специи... Настоящая оргия для кошачьих носовых рецепторов. Расписные цилиндры бочек стоят шеренгами в несколько рядов, как строй солдат, готовых дать ружейный залп, и над каждой бочкой – горка приправы. И такие разноцветные пирамидки специй на каждом шагу! А некоторые дельцы прямо на мостовой выкладывают огромные пестрые картины из зерен, стручков, лепестков, сушеных трав и прочих пахучих пряностей. Что творится с моим носом, даже не описать...

Мы зашли в черт знает какую по счету лавку. Карри вертит в пальцах очередную тарелку, взгляд изучает паутину узоров, а я, сидя на плече, озираюсь по сторонам. Присевший было ей на уши продавец переключился на туристку в другом углу магазина. Видимо, непривычных к торгу иностранцев разводить на деньги проще, а Карри с ее одеждой и знанием языка умело выдает себя за местную.

Я воспользовался тем, что нас не слышно, и прошептал:

– Тут есть хоть что-то без узоров?!

Это был даже не вопрос. Здешний базар можно по праву назвать царством узоров. Почти любая посуда, ткань, светильник, дверь, какая угодно поверхность, – все в узорах. А внутри каждого узора – более мелкие узоры. И так далее...

– Они, походу, соревнуются, у кого рисунки сложнее, – добавил я.

– А тебе что, не по вкусу? – отозвалась Карри, не отвлекаясь от тарелки.

– Ну надо же повозмущаться для порядка.

– Это да, – согласилась моя проводница. – На все согласных тут не уважают, народ такой. Назвали цену – надо тут же предлагать вдвое меньше. А то оберут до нитки.

– Хорошо, что нет на мне ниток. Только шерсть.

Карри, наконец, оставила в покое кухонную утварь и переключилась на кожаные туфли. С вышивкой, разумеется, куда ж без нее.

А я обнаглел до такой степени, что позволил себе спрыгнуть с ее плеча и прогуляться около магазина в поисках чего-нибудь вкусенького. По итогу моей вылазки торговец выпечкой неподалеку отсюда стал беднее на одну булочку. Хорошо быть мелким, однако. Не то чтобы я настолько голоден... С другой стороны, почему нет? Карри дело сказала, надо ловить момент, пока ловится.

Стараюсь нести добычу, не задевая о дорогу и ноги окружающих. Надеюсь, Карри не побрезгует угоститься с той стороны, где нет моих зубов.

– А что это за башня? – спросила у гида толстая туристка в больших черных очках, соломенной шляпе и гирей фотоаппарата на шее. Ее палец указывает на прямоугольное строение, оно высится над прочими, как маяк над утесами.

Местный гид, усатый, почти черный и тощий, как высохший на жаре куст, отвечает:

– Мечеть. Главная достопримечательность города. Ей уже много веков!

– О, а есть у нее название?

– Конечно! Мечеть называется «жрать надо меньше, корова».

– Как, простите?

– Жрать надо меньше, корова!

Туристка пытается повторить по слогам:

– Жрать-на-до-мень-ше...

– Корова, – подсказал гид.

– Корова!

Женщина просияла, захлопала в ладоши, фотоаппарат дважды шелкнул с прицелом на мечеть.

– Здорово! – говорит, возвращая дорожную цифровую технику на грудь. – А как переводится?

– Вершина тысячи солнц! – отвечает гид с лучезарной улыбкой.

Ладони туристки сложились в молитвенном жесте.

– Боже, как поэтично!

Изо всех сил пытаюсь не выронить булку, челюсти сводит смехом. И все же выронил. Только уже не от смеха. До меня лишь сейчас дошло, что я понял иностранную речь! В этом разговоре был не только английский, но и здешний арабский говор.

Но я понял все до последней буквы!

Прислушавшись к диалогу гида и туристки вновь, я с разочарованием обнаружил, что их слова опять превратились для меня в абракадабру. Все, что могу, это отличить инглиш от местной тарабарщины. Похоже, охотясь за булкой, я увлекся и просто забыл, что не знаю языки, и перемир ненадолго приоткрыл для меня форточку абсолютного межнационального взаимопонимания. Но стоило осознать и начать копать в случившемся, и потусторонний переводчик мгновенно испарился.

Кошачье чутье заставило пригнуться.

По кончикам ушей скользнуло, стремительная тень колыхнула шерсть на голове, и перед носом об камни мостовой треснула сандалия, покатила дальше.

Я оглянулся.

Босой на одну ногу торговец хлебом на бегу снимает вторую сандалию, глаза сверкают, хвост тюрбана и подол одежды грозно развеваются. Ко мне, обгоняя хозяина, рвутся, как псы, гневные слова, совершенно мне не знакомые, но почему-то общий смысл ясен и без перевода.

Бросив прощальный взгляд на булку, я запрыгнул на багажник промчавшегося рядом мотоцикла, а оттуда – на крышу лавки по соседству с той, где сейчас Карри. Вообще-то, можно было сразу к ней, но тогда ей пришлось бы разбираться с разгневанным продавцом выпечки. Уверен, она бы выкрутилась, возможно, ее это бы даже развлекло. И все же не хочется лишний раз ее подставлять. Понятно, что пекарь не полезет за мной по крышам, но мой инстинкт, тем не менее, пытается увести его подальше от Карри. Лишь мысль о том, что я могу потерять из виду нужную лавку и не найти обратный путь, заставила прекратить бегство.

К этому моменту я обнаружил себя в каменном окне какой-то древней стены, наверное, крепостной. Не уверен даже, окно это или выбоина со времен средневековой осады. Тут все выщербленное, с ходу и не разобрать. Куда ни дотронься, песок сыплется. Стена, как старое поваленное бревно, приютила под собой грибницы магазинчиков. Смотрю на их крыши с высоты... Как же много, лезут друг на друга, будто клопы, поди разбери, в какой из них Карри!

К счастью, она вышла на улицу, и я смог ее увидеть. Синяя ночная мгла и огненный свет фонарей мешают различать другие цвета, и все же я узнал фигуру в зеленом. Удалось даже разглядеть, как волнуются висячие камушки на маске. Карри озирается по сторонам, ищет меня!

Я приготовился спрыгнуть на ближайший выступ стены.

– Эй! – раздался позади голос.

Женский. Хриплый...

Сердце остановил ужас. Остановил и расползается по телу, проникает льдом в кровь с той же скоростью, с какой мозг поднимает из глубин памяти жуткие сцены с хозяйкой голоса. Более низкого, чем у Карри. Оборачиваюсь медленно, будто превращаюсь в камень. Отчаянно надеюсь, что ошибся.

Нет уж. Ее не забудешь.

Черная кошка сидит напротив чуть ли не нос к носу. Шрам на морде, похожий на грубый кремневый нож пещерного человека, не оставляет сомнений.

Она.

Такие же черные, как мех, зрачки на фоне сияющих желтых глаз лишают воли, не дают смотреть на что-то другое. Трудно понять, где кончается шерсть и начинается тьма, заполонившая пустоту позади нее. Оттуда, из непроглядной темноты... струится туман. Едва заметный. Ритмичный. Проскальзывает по кошачьему силуэту, касается меня, моего носа... Еще порция тумана... И еще...

Он дышит!

Пытаюсь разглядеть во мраке чешую. Потемки, хоть глаз выколи, грош цена моему ночному зрению... Но чудовище где-то там, я чувствую! Нависло, как божество, над своей подопечной, всегда на страже...

Блика посмотрела исподлобья, и мне показалось, что взгляд распилит меня пополам, если она наклонит голову еще чуть-чуть.

– Зря ты связался с ней, – сказала она.

И пихнула меня лапой в грудь.

Я вылетел в окно с такой силой, будто меня сбила машина, в ушах взвыл ветер, звездное небо и крыши лавок закружились, сменяя друг друга, в бешеном колесе, тело рефлекторно скрутилось в клубок. Я ощутил, как низ потащил меня к себе, и зажмурился.

Анфилада

Когда вращение прекратилось, я обнаружил себя в... стиральной машине!

Благо, меня забросило не в пучину стирки. Иначе глотал бы сейчас грязную мыльную воду, а кости ломались бы стальными ребрами барабана.

Дверца приоткрыта. Морда осторожно высунулась...

Похоже, я угодил в прачечную.

Моим случайным приютом оказалась одна из белоснежных стиральных машин в плотной шеренге себе подобных. Напротив – такая же шеренга иллюминаторов и электронных панелей. Не прачечная, а космический корабль, ей-богу! Некоторые дверцы, как и моя, открыты, за другими кувыркается в пене одежда. Гудят движки, мигают светодиоды, воздух переполнен запахами бытовой химии. Между рядами бродят в обнимку с корзинами люди, большая их часть – азиаты. Надписи в поле моего зрения топорщатся колючками иероглифов. Очевидно, я где-то в Китае. Или в Японии.

Это царство белизны и высоких технологий сбило с толку, я только сейчас осознал ужас произошедшего. Я же переместился! Не успел собраться с мыслями, страх разворошил мозг, как улей, и мелькнувшая в хаосе ассоциация с вращением швырнула меня через перемир.

И теперь... О, нет! Карри осталась там, в неизвестном арабском городе, где ее вот-вот настигнет Блика с ящером!

В «моем» ряду стиральных машин всего пара человек, один ко мне спиной, вторая далеко, увлечена запихиванием шмоток в корзину. Я поспешил вернуться в машинку: прыжок – и я снова в серебристом сумраке барабана.

Зачем вообще куда-то выходить?

Я зажмурился.

Нужно вернуться и предупредить! Сейчас же!

Легко сказать... Понятия не имею, как. Вернее, имею, но дело не в умении. Я же с первой попытки попал в спальню Седого, когда намеревался спасти мать и бывшую девушку, стоило лишь представить ремешок дедовых часов. Но Карри я искал неделю и не нашел, пока та сама не соизволила навестить дайменов на крыше. Ясно, что вопрос удачи. Когда сразу, а когда – хоть из кожи вон лезь. Но это ясно умом.

А глупое сердце, помня тщетность попыток, в успех не верит.

«Не найдешь, пока не найдет тебя сама!» – бьется там одно и то же.

Но хуже то, что не могу переместиться вообще никуда. Сижусь с закрытыми глазами в стиральной машинке, без посторонних, веки тужатся, надежно прячут от реальности, в голове образы... но я по-прежнему в стальном желудке чистящего монстра. Словно нет и не было никогда перемира.

Я понял, в чем загвоздка. Мы с Ластом не раз попадали в такую ловушку в общественных местах.

Камеры!

Сомнений нет, меня засек на видео охранник, когда я выпрыгнул из стиралки. И если потусторонний «ветер» не сдул меня в перемир, значит, охранник смог найти объяснение тому, как я оказался в машинке. Но плохо, что он видел и то, как я запрыгнул обратно. И следит до сих пор, уверенный, что я внутри. И эта железная уверенность не дает перемиру меня забрать.

Можно поискать другое укрытие, где обо мне не будет знать ни одна живая душа, и с легкостью исчезнуть оттуда. Но меня поймало на редкость людное местечко. Азиатский мегаполис. Пока найду это самое укрытие, могу потерять кучу времени, а на счету каждая секунда.

И я пошел иным путем.

А именно, стал пытаться уйти в перемир снова и снова, как узник, колотящий дверь тюремной камеры. В надежде, что плящущий сейчас в монитор секьюрити отвлечется на бутерброд с чаем, на почесать ногу, на другой монитор, на муху... Да хоть на что-нибудь! Иногда это срабатывало. Ласт рассказывал, что при должном волевом рывке, личном могуществе и удачных обстоятельствах можно убедить перемир, скажем так, слегка «пихнуть локтем» мир реальный. И тот сам отвлечет ненужного наблюдателя на несколько секунд. А мне больше и не нужно. Достаточно пары мгновений, чтобы...

Есть!

Очередная попытка увенчалась успехом. Но понял это лишь после того, как подпрыгнул, словно ошпаренный. Только ошпарило не кипятком, а бурей людских воплей и электронной музыки.

Вокруг пляшут разноцветные лучи прожекторов...

Похоже, меня занесло в клуб на чей-то концерт. На самый бок сцены, где в полумраке сжалась стройной гармошкой одна из половин занавеса. В его складках я и оказался. И даже догадался, почему: по нижнему краю занавеса висят точно такие же янтарные камушки, какие я видел на маске у Карри. А ведь именно о них думал в момент прыжка.

– Выше руки, ребята! – крикнул певец с края сцены.

На его фигуре в коротком плаще сходятся потоки света. Очки, серьга, на макушке белый «ежик»... Ладонью и микрофоном солист подманивает толпу в бодром ритме, сотни скачущих тел в яме танцпола воют, визжат, машут руками, сверкаю камеры телефонов. Мои когти втыкаются в бархат ковролина, по которому стелется туман. Дымовая машина выплевывает его чуть в стороне от меня, давая, кроме тени занавеса, еще одно укрытие. Но дышать трудно... Виной тому углекислый газ, продукт реакции сухого льда и воды из недр дым-машины. Для певца и его группы туман безвреден, обволакивает лишь ноги, а вот мою компактную тушку – по самые уши!

Я задержал дыхание, глаза эвакуировались под занавес век. Пора прочь с этого праздника жизни, пока не задохнулся...

В этот момент с ревом людской массы грянул ритмичный припев:

– Облака – вниз,
Неба карниз...
Облокотись
На эту высь!

И хотя я пытался думать о Карри, песенные строчки успели проскочить в сознание именно тогда, когда перемир распахнул объятия.

Рев толпы превратился в рев ветра, меня опять закрутило, да так, словно я рваный осенний лист, попавший в ураган. Свет прожекторов стал в тысячу раз ярче, я не сразу понял, что это уже не прожекторы, а ослепительный свет солнца. Из меня рвется вой, но я его не слышу.

Падаю!

Падаю с такой высоты, что и подумать страшно! Далеко не то что до земли – даже до облаков, которые стелятся внизу бескрайним одеялом. И солнечный шар в дымке выглядывает из-за края этого одеяла, как голова дремлющего бога. Корона лучей колет глаза, а вот нежные молочные отсветы на хлопьях облаков созданы для того, чтобы смотреть на них вечно. Именно они помогли отвлечься, сосредоточиться, я кое-как обрел контроль над телом.

Вращение замедлилось, стало плавным. Теперь просто падаю брюхом вниз, растопырив лапы, будто белка-летяга. Перепонки сейчас и впрямь не помешали бы. Хвост болтается где-то надо мной трепещущей ленточкой. Встречный поток такой сильный, не успеваю вдохнуть,

воздух пронесется мимо носа. А еще здесь холодно, даром что на мне шуба, лед проникается под шерсть, в кожу, и я словно оголенный кусок мяса...

И все же я успокоился.

Паника отступила в тот момент, когда я понял, что не разобьюсь вот прямо сейчас. Огромная высота плюс сопротивление воздуха... Лететь еще минут десять-пятнадцать, а то и все полчаса! А еще чуть позже, наконец, дошла немудреная, но все же пронзительная мысль: я впервые в жизни так высоко!

Силы небесные, как же здесь красиво!

И все же... надо исчезнуть до встречи с облаками. Еще не хватало напороться на какой-нибудь пассажирский лайнер с кучей любопытных глаз в иллюминаторах. Карри... Я не должен забывать. Карри в опасности! А меня все еще где-то носит. Соберись, Риф... Вспомни самую яркую ее деталь, которую запомнил до мельчайших черточек.

Ногти!

Я столько времени просидел у нее на руках, узоры зеленых ноготков, похожие на жилки листьев, отпечатались в памяти, словно карты каких-нибудь лесных речек. Стоило лишь закрыть глаза, и даже ледяной холод не смог помешать мыслям плыть по руслу этих рек.

– Двадцать пять лет вместе, поверить не могу!

– Я и сама не всегда верю, девочка... Тем не менее, факт! Четверть века рука об руку, и знаешь, ни разу не пожалела.

– Мне и год с кем-то вытерпеть – подвиг!

Я оказался в офисном помещении с окном на всю стену. По ту сторону стекол простирается светлый городской пейзаж. Судя по далеким крышам, я в небоскребе. Подо мной десятки этажей. Не так высоко, как было несколько секунд назад, и все же...

Лежу, растопырив лапы, будто все еще в падении, на краю стола.

За ним сидят друг напротив друга две женщины. Молодая делает маникюр даме в зеленом платье, с длинными волосами соломенного цвета. Ей, наверное, лет сорок-пятьдесят, но выглядит столь эффектно, что, если бы я выбирал, с кем из них провести ночь... Особый шарм ей придают миндалевидные очки, столь утонченные, что я даже увидел их не сразу.

– А зачем терпеть, детка? – говорит шикарная леди. – Будь с тем, кого терпеть не надо. С мужчиной твоей мечты должно быть легко и радостно.

Голос своеобразный. Такой подошел бы чернокожей женщине, поющей какой-нибудь джаз или блюз. Если бы услышал ее раньше, чем открыл глаза, без тени сомнения решил бы, что передо мной негритянка.

Тем не менее, типаж на сто процентов европейский.

Она, наконец, заметила меня:

– Оу, кто к нам пожаловал! Ты откуда, красавчик?

Девушка, что красила ей ногти, вздрогнула, но тут же взяла себя в руки. Которые вместе с маникюрным карандашом благообразно отстранились от пальцев клиентки.

– Чуть не запорола работу из-за тебя, кошак! – прозвучал из ее уст упрек в мой адрес. Затем она обратилась к женщине: – Этажом ниже ветеринарная клиника, оттуда регулярно кто-нибудь сбегает. Хорошо еще, что кот, а не какая-нибудь мартышка. Однажды меня чуть енот не покусал...

– Прелесть какая! – воскликнула клиентка. Затем уточнила с деликатной усмешкой: – Оу, я про кота, конечно же, а не про енота.

Я обратил внимание на ее ногти. Такие же, как у Карри. Зеленые, с жилками, словно листья. Только узоры готовы еще не на всех пальцах.

Дама в очках, глядя на меня, откинулась на спинку кресла, руки чуть в стороны. Глаза на секунду скосились туда, где колени, затем стекла очков сверкнули, возвращая мне взгляд.

– Ну что, мсье, почтите меня своим присутствием?

– Мяу!

Я переместился к ней на колени. Не столько за порцией нежности, сколько из практических соображений: нужно отогреться. Сквозь облако зеленой ткани под шерсть тут же хлынуло живое проникающее тепло.

– Бог мой! – воскликнула женщина. – Котик, ты что, с Северного полюса? Холодный какой...

«Очень даже возможно», – ответил я, запрокинув к ней голову.

Вернее, попытался ответить, а вышло очередное:

– Мяу.

Горячие ладони, не касаясь пальцами, прогладили пару раз мой позвоночник, затем женщина вернула их в распоряжение девушки-мастера. Та вернулась к работе и заговорила:

– Вот вы говорите, мужчина мечты... Да только где его взять! Такие на дороге не валяются. А если и встречу... Знаете, так выходит, что те, кто мне нравится, меня в упор не видят. Или видят, но всерьез не воспринимают. Вот вам понравился ваш муж двадцать пять лет назад. И как вы сделали, чтобы он стал вашим, а не чьим-то еще?

– Очень просто, девочка, – отвечает женщина с благосклонным смехом. – Подошла к нему и сказала, что он мне нравится и я хочу быть с ним.

– Как это?!

– Вот так... А что?

Девушка фыркнула.

– Вообще-то такое должны делать парни!

– Ну, значит, мужчина твоей мечты тебе еще не встретился, детка. Поверь, когда это случится, заткнешь свою гордость за пояс, как миленькая. Лишь бы другой не достался.

– И что, сработало? – поинтересовалась девушка недоверчиво.

Женщина рассмеялась.

– Разумеется! Мужчины любят прямоту, знаешь ли... Хотя такое не в нашей природе, тут я с тобой согласна. Зато я была вне конкуренции! Пока мои соперницы крутили задом и на что-то там намекали, я уже примеряла свадебное платье, ха-ха!

Девушка задумалась, даже от рисования узоров отвлеклась на мгновение.

– Хм... Ну ладно, может быть, попробую.

– Эх, в том-то и дело, – вздыхает клиентка, – что может быть... А надо без сомнений. И в тоже время аккуратно, как вот эту красоту на ногтях. А не так, будто делаешь мужчине величайшее одолжение в его жизни. Монашеская покорность и ангельское терпение – и никак иначе. Мой сперва не верил, думал, розыгрыш, все ждал подвоха...

Пока они говорили, я грелся и ждал, когда увлекутся беседой настолько, что не заметят мой побег под стол. Наконец, я выбрал момент, соскользнул с коленей прекрасной дамы. Диалог о личной жизни не прервался. Отлично! Можно уйти в перемир прямо отсюда, из-под стола. Дверь офиса приоткрыта, так что мое исчезновение не станет загадкой. Как бы ни была оборожительна белокурая женщина в очках, мое сердце уже занято. И я должен быть с той, чья жизнь сейчас, возможно, в опасности.

Стол длинный, позволил удалиться от женских ног, не покидая укрытия, почти до самого окна-стены. Вид на город стал шире. И я увидел с краю очертания башни, которую узнал бы даже распоследний двоечник по географии.

Оказывается, меня занесло не абы куда, а в столицу Франции!

А когда я вновь прислушался, о чем говорят сзади женщины, то обнаружил, что понятная речь превратилась в сплошное «бонжур-лямур-абажур» и тому подобное... Стоило осознать, что по-французски я нихт ферштейн от слова «совсем», и реальность не стала спорить. Дескать, как пожелаешь, дорогой, вот тебе твое «нихт ферштейн» на блюдечке. Наслаждайся.

Но насладиться не успел.

Знакомое «чувство ветра» настигло внезапно, шерсть вздыбилась, я напрягся, как перед броском, но это не могло ничего изменить. На сей раз перемир забрал против моей воли, потому что кто-то из людей на нашей огромной планете вдруг вбил себе в голову, что меня здесь, в Париже, быть не должно.

А должен я быть, как выяснилось... в стиральной машине!

Да, в той самой, откуда не так давно исчез, как мне казалось, раз и навсегда. Тем не менее, многочисленные поры в серебристой стенке барабана снова передо мной. Похоже, охранник, что засек меня тогда по камере, все это время не отлучался с поста и даже не отвлекался от монитора. И до сих пор несокрушимо уверен, что я внутри. Ну, а куда мне еще деться? Его логика держит меня на привязи к этому месту. Наверное, за тем и следит – хочет дожидаться, когда выскочу. Такое вот реалити-шоу. Эксклюзивное, только для него одного... Дернул же меня тогда черт выскочить из машинки, надо было сразу в перемир!

Мысленную досаду прервали далеко не самым приятным способом: в утробу барабана влетел комок дурно пахнущей одежды.

– Мьяээуу!!!

Тело метнулось, как ужаленное, из стальной норы.

– Чтоб тебя, говнюк мохнатый!..

Сморщенный седой азиат упал на задницу, корзина с бельем выскользнула из рук, опрокинулась на пол. Тот такой гладкий, мне едва удалось затормозить, не врезаться в стиралку напротив. Лапы разъезжаются, как в мультике, осталось наложить каноничный для таких сцен перестук. Кое-как завершив вираж, я галопом пустился по коридору стиральных машин.

Одна пара ног, другая, третья... Оббегаю людей, словно деревья.

– Цюань, смотри! Кофейный кот!

– Это к удаче...

– Каким ветром его сюда...

– Ха-ха, хотел постирать шубку!

Тип в брюках, с медицинской маской на лице и бейджем на рубашке скрючился в попытке меня схватить, но я запрыгнул на спину, перелетел турникет.

За ним оказалось фойе с терминалами оплаты, выдающими одноразовые пропуска. На экранах мелькают иероглифы. Азиаты с сумками и корзинами переговариваются меж собой, в меня тычут издали пальцы и подбородки, кто-то целится камерой телефона. Я снова перестал понимать чужую речь, но сейчас меня заботит не это.

Безлюдное место... Найти безлюдное место!

Прозрачные автоматические двери соизволили выпустить, только когда я набросился на стекло в прыжке. Наверное, фотоэлементы стоят ниже кошачьего роста.

Но на улице оказалось еще болеелюдно, чем в прачечной!

Меня сразу затянул поток шагающих тел, пришлось влиться, чтобы не быть затоптанным. Азиаты, туристы, мопеды, лысые буддийские монахи в красных простынях... Моего проворства едва хватает, чтобы озираться и при этом избегать столкновений с ногами и колесами.

Муравейник, не иначе!

Люди кажутся живыми колоннами, а высоко над ними со всех сторон – зеркальные окна высоток, мерцают гигантские рекламные экраны, электронные вывески. Обычных плакатов тоже полно, на них доминирует красный цвет. Вообще здесь много красного. И все в иероглифах.

Отыскать в такой суеде клочок пространства, свободный от чьих-то глаз, кажется задачей на грани. Я чуть не застыл в приступе панического отчаяния, но вовремя вспомнил... Карри говорила, что появиться в слишком людном месте столь же легко, как и в совершенно пустынном. И доказала сие на практике.

Смею надеяться, что к исчезновению это относится не в меньшей степени.

Приближаюсь к перекрестку...

Народу перед «зеброй» – как на митинге! И такой вот митинг на каждом из четырех углов дорожного узла. Как только машины и автобусы затормозят, вся эта масса хлынет, волна на волну, и останется только удивляться, что не сбивают друг друга, как кегли...

– Ма, там котя! – детский голос.

– Не вертись...

Пробираюсь в самую гущу ног.

Вот здесь и впрямь реальные шансы быть задавленным. Но придется рискнуть. Зато между фигурами так тесно, что вниз почти никто не смотрит. Никаких «Ма, там котя!» и прочих знаков внимания. Каждый дышит другому в затылок, посматривает на светофор, листает ленту соцсети в гаджете. Сколько секунд осталось до зеленого, уже не видно. Но магистраль еще гудит. Лучше успеть до того, как лес ног придет в движение.

Под шум автомобилей я закрыл глаза.

Карри... Изумрудные глаза, веснушки, призрачная маска с каймой янтарных камушков, зеленое одеяние восточной принцессы, жилки на «листьях» ногтей... Пытаюсь воскресить весь образ сразу, а не отдельные элементы... Ну же, Карри! Где ты?!

Меня сжало со всех сторон, будто тисками!

«Не успел!» – подумал я и приготовился к хрусту костей.

Но неприятное чувство вспыхнуло лишь на миг. Я по-прежнему в чем-то тесном, но оно не давит, только ограничивает пространство. Как мешок. Все еще шумят машины...

Вернее, машина. Одна!

Моя голова, наконец, смогла высунуться из таинственных тисков. Это оказался не мешок, а рюкзак. На заднем сиденье автомобиля с открытым верхом. В морду ударил ветер, уши прижались к голове, я невольно сощурился. Машина несется по широченной стреле автобана, слева и справа простираются каменно-песчаные пустоши с пучками блеклой травой, корявыми деревьями, кактусами и скалистым горизонтом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.